

Леонид БОЛЬШАКОВ

ЖИВЫЕ НИТИ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЕГО ЧУВАШСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Л. Н. ТОЛСТОЙ в кабинете яснополянского дома. 1909 г. Фотография С. А. Толстой.

От сердца к сердцу

Не только советский народ, исполненный глубокой патриотической гордости за свою Родину, по праву наследующий лучшие традиции ее истории и ее культуры, - все прогрессивное человечество отдает в наши дни дань уважения Льву Николаевичу Толстому.

Гениальный сын России, Л. Н. Толстой был, есть и будет гордостью каждого россиянина, гордостью всей мировой культуры.

На протяжении шестидесяти лет продолжался подвиг его жизни. Ни один из людей на земном шаре, избравших своим оружием перо, не сумел сделать так много, как он. Творения писателя - его романы, повести, рассказы, пьесы, публицистика, дневники, письма - составили девяносто томов, возвышающихся над океаном всечеловеческой культуры величавой грядой, видимой с любой точки нашей планеты.

"Наш народ,- писал, отмечая пятидесятилетие со дня смерти Льва Толстого, центральный орган Коммунистической партии Советского Союза, с благодарностью склоняет головы перед 'памятью великого художника слова, который .в совершенно иное время, в иных, крайне сложных исторических условиях обратил все свои мысли и душевные порывы к судьбе народных масс своей Родины" '.

В этих словах выражены чувства и чувашского народа - одного из полноправных членов дружной семьи народов Союза Советских Социалистических Республик.

Лев Николаевич Толстой близок и дорог чувашам.

Первое знакомство Толстого с жизнью чувашей относится к дням его ранней юности.

Год 1841-й. После смерти тетки Александры Ильиничны Остен-Сакен, взявшей на себя заботу о детях покойного брата, попечительницей малолетних Толстых стала другая сестра отца - Пелагея Ильинична Юш-кова. Она жила в Казани, и этим был вызван переезд их сюда. Будущему писателю тогда едва исполнилось тринадцать лет.

Свое вынужденное путешествие из Ясной Поляны в Казань Толстые совершили уже в ноябре, когда на большей части маршрута установился санный путь. Дорога проходила через Москву, Владимир, Нижний Новгород, Макарьев, Лысково, Васильсурск и Чебоксары. До конца жизни сохранились у Льва Николаевича воспоминания о той поездке. Он запомнил и впоследствии рассказывал своему домашнему врачу, единомышленнику и другу Д. П. Маковицкому, о том, как жесток был их дядька Николай Дмитриевич Михайлов к ямщикам-чувашам - торопил перепрягать лошадей, кричал на возниц, даже бил их, а те безропотно все сносили '. В другой раз, двумя годами позднее, мысленно возвращаясь к этой же поездке, Толстой вспоминал: "Чувашские деревни вдоль Волги были ужасно бедны; под почтовые станции выбирали лучшие избы в деревне, но и это были ужасно плохие хаты" 2,

Через Чебоксары, о которых в одном из старых справочников было написано, что это "уездный город, более покожий на село", через убогие чувашские села с закопченными курными избами, где люди слепли от трахомы, Толстому доводилось проезжать и в последующие годы казанской жизни - на лето семья часто возвращалась в Ясную Поляну. Лев Николаевич имел возможность расширить представление о быте и нравах тех, кто жил вдоль берегов Волги.

Жена его, Софья Андреевна, в своих "Материалах к биографии Л. Н. Толстого", составленных в основном

Неопубликованные "Яснополянские записки" - запись от 6 января 1906 г. (Рукопись хранится в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве, далее именуемом Ввсносках ГМТ) по рассказам мужа, сообщает, что во время переездов "дорогой шла целая жизнь: останавливались иногда в поле, в лесу, собирали грибы, купались, гуляли". Но, конечно, поездки откладывали впечатления не только о своеобразной прелести природы. Рано начал замечать Толстой разительные контрасты жизни. Как не вспомнить, что дорога, по которой барские экипажи направлялись в Казань и из Казани, была той самой "Владимиркой", воспетой во многих нерадостный песнях? Вероятно, не раз доводилось юному Льву видеть из окна кареты этапы заключенных, которые направлялись по этому тракту в ссылку и на каторгу в сибирскую глухомань.

Тем не менее, сизмала осуждая барское пренебрежение к людям, он в годы своей юности был весьма далек от понимания истинных причин несправедливости.

Нищету знакомых чувашских сел Толстой мог объяснить лишь произволом отдельных "недобрых" властителей.

Казань в годы пребывания там Льва Толстого представляла собой своего рода столицу обширного Поволжья. Живя здесь, он также видел бесправие, угнетение народов, населяющих берега Волги и ее притоков. Впоследствии писателем были созданы произведения, в которых издевательства над "инородцами" подверглись беспощадному разоблачению.

В рассказе "После бала" нарисована глубоко впечатляющая картина варварского истязания солдата-татарина, бежавшего от каторжной службы и прогоняемого в наказание сквозь строй шпицрутенгов.

Несколько толстовских рассказов отражает быт башкирского населения, среди которого ему довелось жить в дальнейшем, когда выезжал в самарское имение.

Чуваши также нашли свое отражение в художественных произведениях писателя.

Вспомним сцену из романа "Воскресение", когда Маслову после суда снова ведут в камеру (часть первая, глава XXIX). Всего несколько слов сказано здесь с конвойным-чувашем, но и их оказалось достаточно, чтобы показать честность, искренность, добросердечие этого простого человека из народа.

Упоминания о чувашах мы находим в публицистических произведениях Л. Н. Толстого "Христианство и патриотизм", "К магометанину" и других.

Лев Николаевич навсегда запомнил этот трудолюбивый народ, находившийся в постоянном угнетении. Какой горечью звучит его воспоминание, донесенное до нас тем же Д. П. Маковицким в уже цитированной записи от 16 декабря 1907 года: "Когда учился в Казани, "ты Чувашии" было ругательное слово непонятливому человеку". Этого Толстой не мог забыть и спустя шестьдесят лет после окончания казанского периода своей жизни.

После 1841 -1847 годов Лев Николаевич бывал в Казани еще три раза - в 1851, 1862 и 1876 годах, каждый раз проезжая территорию, населенную чувашами. И если шестилетняя жизнь в этом городе некогда обогатила его жизненным опытом, если еще тогда Толстой, по собственным словам, "открыл", что главное зло заключается в самом жалком, бедственном положении мужиков, то во время новых поездок опыт пополнялся свежими наблюдениями, вызывавшими все более глубокие раздумья.

Толстой стремился быть не посторонним наблюдателем, а помощником людей в их горестях и бедах.

Когда вследствие неурожая 1871-1873 годов на берегах великой русской реки свирепствовал голод, писатель, уже прославившийся своими художественными произведениями, опубликовал ряд страстных статей, в которые призвал всех честных людей России помочь голодающим Крестьянам. Это был голос великого гуманиста, и он не остался не услышанным. Добровольные взносы спасли многие тысячи людей, в том числе среди чувашей, от голодной смерти. Так повторялось не раз.

Во время голода 1892 года в чувашских селах появились последователи Толстого, состоявшие с ним в переписке,- студент-медик Петербургского университета Клобский (Кдолский) и студент Московского технологического института Лыжин. Они избрали центром своей работы деревню Большие Янкасы, Цивильского уезда. Располагая некоторыми средствами, собранными для помощи голодающим, студенты, не доверяя местным властям, сами взялись за организацию

бесплатной столовой. Кроме того, оба приезжих привезли с собой немало литературы и, распространяя ее среди крестьян, вели антиправительственную пропаганду.

Об этой их деятельности мы знаем не только по воспоминаниям, которые передаются из поколения в поколение, но и по жандармским донесениям. По предписанию Казанского жандармского управления исправник Цивильска арестовал И. М. Клобского (Клоп-ского). Что касается Лыжина, то над ним был установлен надзор. Уголовное преследование в отношении его губернатор счел "нецелесообразным", так как это могло стать поводом к резким выступлениям со стороны Л. Н. Толстого, а также к недовольству крестьян.

В Чувашском республиканском государственном архиве хранится еще ряд документов, свидетельствующих о том, как царские власти старались оградить чувашей от влияния великого русского писателя '. В частности, и в 1882, и в 1892 годах из Казани на имя уездных исправников поступали категорические циркуляры о том, что в случае появления в уездах "известного писателя графа Л. Н. Толстого" над ним надлежало учредить негласный надзор. В 1901 году, когда Толстой тяжело болел, казанский губернатор разослал секретный циркуляр о том, что в случае смерти писателя должны быть запрещены всевозможные манифестации, а программу вечеров его памяти необходимо в каждом отдельном случае согласовывать с начальником полиции и ни в коем случае не допускать отступления от утвержденной программы.

К тому времени популярность Л. Н. Толстого в на- о роде еще более возросла.

Призыв писателя о помощи- пострадавшим от неурожая в Поволжье, напечатанный 4 марта 1899 года в "Русских ведомостях", вызвал особенно большой приток пожертвований. Значительная часть их была направлена в Казанскую губернию.

О неизменном интересе Толстого к жизни чувашского народа в большой степени свидетельствует его переписка с чувашами, о которой рассказывается в этой '.. книге.

В своих наблюдениях и заметках "Толстой в жизни", отвечая на вопрос о том, на каких языках писали в Ясную Поляну, Д. П. Маковницкий упоминает и чувашей. Их письма были написаны по-русски. Уже в этом небольшом факте мы видим уважение чувашского народа к могучему русскому языку, которым чувашаи старались овладеть возможно полнее.

Письма носили самый разнообразный характер. Например, неизвестная корреспондентка из Чебоксар просила у Льва Николаевича совета, следует ли ей поступить на педагогические курсы.

Но не такие обращения (хотя они и показательны для характеристики авторитета Толстого в глазах самых различных людей) привлекают прежде всего.

Дружба с А. Никитиным, письма Д. Петрову, Н. Пю-чуеву и другим могут служить лучшим подтверждением того, что горести чувашей были близки замечательному писателю- земли русской и искренне его волновали.

Эта переписка в равной степени говорит и о симпатии, которую питали к Толстому представители обездоленного царизмом чувашского народа. Их уважение, их любовь являлись непосредственным откликом на обличение писателем несправедливости самодержавно-помещичьего строя, политики насилия и .. угнетения..

Известно, что в годы первой русской революции на территории нынешней Чувашской АССР вместе с прокламациями социал-демократической организации распространялись некоторые статьи Л. Н. Толстого.

Как ответ великому правдолюбу, из глубин сердец звучали слова, подобные тем, которые мы находим в письме крестьянина И. Лазарева 'Из села Козловки, Казанской губернии (ныне Чувашии): "Дорогой дедушка!

Доверши святое и великое дело, сбрось с себя проклятое барство и титул графа, перейди в сословие крестьянства. Сделайся действительным членом народной семьи, которую ты так любишь..."

Издавна стало близким прогрессивным слоям чувашской интеллигенции творчество Л. Н. Толстого. Она, передовая интеллигенция, приложила немало усилий для того, чтобы сделать его произведения достоянием возможно более широкого круга соплеменников.

Замечательный просветитель родного народа Иван Яковлевич Яковлев, чьи заслуги высоко ценил В. И. Ленин, еще в 80-х годах осуществил перевод ряда произведений Толстого. Благодаря Яковлеву и его ученикам чувашки получили толстовские "Книжки для чтения", а в букварях 1875-1880 годов оказались переводы обработанных Толстым басен "Лгуны", "Баба и курица" и других. В последующие годы классик чувашской литературы Константин Васильевич Иванов перевел "Кавказского пленника".

Поэт и педагог М. Ф. Федоров, настойчиво изучая педагогические произведения Льва Николаевича, применял многие его ценные идеи в работе по просвещению чувашей.

Названные (и не названные) здесь деятели чувашской культуры испытали благотворное влияние Толстого на себе, на своем творчестве. Об этих связях убедительно говорит в своих "Очерках дореволюционной чувашской литературы" М. Я. Сироткин.

"Горе и радости русского народа - их (чувашей - Л. В.) горе и радости, его будущее - их будущее, его счастье - их счастье". Эти слова И. Я. Яковлева могут служить ключом к пониманию отношения передовых представителей чувашского народа к гению русской литературы.

Впервые приведено, без указания фамилии автора, в книге П. Н. Гусева "Два года с Л.Н. Толстым". Издание «Посредника», 1912 г., стр. 304-305.

Деятельность тех, кто в мрачные годы царизма старался приобщить угнетенный народ к культуре, преследовалась царскими сатрапами. Об этом свидетельствуют приводимые нами документальные данные. В этом убеждают и многие известные факты. Вспомним, как быстро была закрыта первая чувашская газета "Хыпар" в 1907 году, как круто расправились жандармы с организаторами подпольной чувашской типографии в 1908-м. Верные своей политике, царь и его приспешники делали все для того, чтобы малые народы России были забитыми, темными.

Б. И. Ленин в статье "Л. Н. Толстой", явившейся непосредственным откликом на смерть писателя, заявил: "Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России, Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот".

Только после Великой Октябрьской социалистической революции чувашский народ получил доступ ко всем богатствам культуры. Широкий размах переводов произведений Л. Н. Толстого на язык чувашей, наличие их в библиотеках каждого города и каждой деревни, в сотнях и тысячах личных библиотек, глубокое изучение в школах - лучшее подтверждение этого.

Советская власть проложила творчеству Л. Н. Тол-; стого путь к сердцам сыновей и дочерей всех народов.; И миллионы людей различных национальностей хра-' мят любовь 'К его бессмертным произведениям, к его1 могучему таланту, как свое бесценное, непреходящее' богатство.

Лев Толстой и „чувашин Н."

Книга вышла в канун великого, незабываемого года. Однако ни составитель, ни представленные в ней многочисленные авторы, в том числе и здравствовавшие, не могли предвидеть, какие события несет с собой год грядущий, как круто повернет он историю. И, может быть, "Календарь для каждого на 1917 год", составленный А. С. Зоновым и выпущенный издательством "Посредник", никогда не привлек бы нашего внимания, если бы не одно обстоятельство.

Мы искали материалы о переписке Л. Н. Толстого, о его корреспондентах, а именно здесь оказалось неопубликованное прежде письмо Льва Николаевича.

На 123-й странице этой, редкой ныне, книги, которую удалось отыскать в фондах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, и состоялось наше первое знакомство с "чувашиним Н."

Ничего, кроме национальности, о корреспонденте Толстого не сообщалось. А письмо вызывало интерес. Его содержание не оставляло сомнений в том, что человек, которому оно предназначалось, был известен Льву Николаевичу по прежним письмам, а, возможно, и лично, что писатель знал о взглядах своего корреспондента и эти взгляды не противоречили- его1 собственным.

Письмо Толстого (собственно, сделанная им приписка к письму Д. П. Маковицкого, который это поручению писателя нередко вел переписку) содержало рассуждения о необходимости непрерывного нравственного самоусовершенствования, как единственно возможном средстве уничтожения всякого зла.

"...Повторяю, что главное дело нашей жизни не состоит в распространении того, что мы считаем истиной, а в усвоении этой истины с такой полнотой, чтобы мы слились с нею,- писал Лев Николаевич и далее подчеркивал: - А когда это будет, то распространение ее совершится, хотя, может быть, и не теми путями, которые мы предполагаем".

Подобные рассуждения известны по многим письмам: Толстого, 'по его публицистическим статьям, и в этом отношении письмо безымянному адресату не давало ничего нового. Но, читая его, перечитывая снова и снова, думалось: Лев Николаевич словно продолжает некогда начатый разговор. Он не считает нужным подробнее останавливаться на своих взглядах, вдаваться в длинные рассуждения только потому, что знает: "чувашину Н." "Эти мысли хорошо известны.

Кто же он, аноним?

Раскрыть возникшую загадку было необходимо " для того, чтобы лучше, глубже понять приписку Льва"-Николаевича. В ней он сообщал: "...письмо ваше (т. е./: неизвестного корреспондента - Л. Б.) мне было интересно и приятно". Чем интересно? Отчего приятно? Что несла с собой их переписка?

Прежде всего, мы обратились к полному собранию сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах. Это поистине монументальное издание включает все написанное Толстым в течение его долгой и плодотворной жизни. Советские литературоведы, текстологи, архивисты посвятили много лет своего труда, чтобы объединить то, что было рассеяно по 'бесчисленному множеству сборников или лежало в безвестности в архивах, установить окончательные тексты и сопоставить их с предыдущими редакциями, дать, наконец, научный комментарий к каждому произведению - от эпопеи "Война и мир*" до однострочной записки. Ведь все, что касается Толстого, представляется важным: и время написания, и причина, побудившая к этому, и личность корреспондента, - и то, о чем идет речь. Эта грандиозная научная задача с выходом в свет последнего тома полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в значительной степени оказалась решенной.

Эпистолярное наследие Толстого в этом издании, .. начатом к столетию со дня рождения Льва Николаевича и потому называемом юбилейным, занимает тридцать один том. Письма расположены в хронологическом порядке, каждый том сопровождается отлично -организованным справочным аппаратом.

Письма последних лет, в которых, судя по содержанию, относилось и адресованное "чувашицу Н.", зани-; мают сдвоенный, 77-78-й ТОВ.

Именной указатель...

Сначала на букву "ч": "чувашин Н..."

Нет, такого псевдонима здесь не обозначено.

А может быть на букву "Н"?

Уже первая строчка в этом столбце фамилий дала в руки верную нить.

"Н. чувашин". См. Никитин А. Ф."

Вначит, Никитин? Отыщем в указателе Никитина. Длинный ряд фамилий... И вот: "Никитин Александр Феофилактович (чувашин Н.)--т. 77, стр. 265, 266, т. 78, стр. 116..." Однако места ему здесь отведено немало!

Б книге оказались два письма к Никитину. Б 77-м- то, которое было напечатано в "Календаре" (оно датировано 16-м декабря 1907 года), а в 78-м - написанное в апреле 1908 года.

Это, второе, письмо еще .сердечнее, еще теплее.

"Получил ваше письмо, милый брат Никитин, и очень рад был увидеть из него ваше хорошее радостное, твердое настроение. Помогай вам бог удерживаться в нем. Я думаю, что это всегда во власти нашей".

Высказав далее готовность послать своему корреспонденту "Круг Чтения", в 'котором выражены важные для Толстого взгляды на жизнь, писатель подчеркивает: "Письмо ваше во всех отношениях так интересно, что мы два раза перечли его..."

Он пишет, что ему "истинно жалко" неких "сожителей" Никитина, о которых тот рассказывал,-"этих хороших, честных большею частью людей, с самыми искренними стремлениями, так глубоко заблуждающихся". Толстой, несомненно, имеет в виду революционеров. Не случайно он далее указывает: "Посылаю вам еще брошюру - письмо мое давнишнее к одному ил революционеров, которое отвечает на все те доводы, которые теперь продолжают делать люди-революционеры, не думая о том, что все эти вопросы давным-давно уже заданы и давным-давно на них отвечено, так что отвечать дальше нечего".

Последние строки письма лишний раз убеждают в искренней симпатии писателя к своему корреспонденту: "Пожалуйста, пишите о себе и, если могу чем-

нибудь быть полезен вам, то вы мне сделаете именно радость, дав эту возможность. Прощайте, братски целую вас".'

Письмо адресовано в Оренбургскую тюрьму.

В комментариях к письмам есть и о самом Никитине. Родился в 1880 году, писарь, чувашин по происхождению... Разделял мировоззрение Толстого... Выл в Ясной Поляне 28 сентября 1907 года... Первую половину 1908 года находился в Оренбургской тюрьме за распространение нелегальных изданий...

Но ведь этого мало, очень мало! Каким образом можно узнать о Никитине и о его переписке с Толстым больше, подробнее?

Знакомство с письмами Льва Николаевича, те немногие сведения, которые 'были помещены в томе, вызывали желание раскрыть историю взаимоотношений всемирно-известного писателя с безвестным представителем одного из наиболее угнетенных при царизме народов. Раскрыть, чтобы сделать достоянием всех, кто хочет больше знать о жизни и творчестве Л. Н. Толстого, о его друзьях, кто, наконец, интересуется связью русской и чувашской культур, влиянием великой культуры России на чувашский народ.

Поиски разгадки привели в Государственный музей Толстого.

За тяжелой, массивной дверью "стальной комнаты*" - рукописного отдела - собраны о поистине бесценные сокровища. Среди них - рукописи гениальных художественных произведений писателя; они дают ясное представление о работе волшебника слова над каждой страницей и строкой, над каждым образом. Здесь и бесчисленные варианты его страстных публицистических 'произведений, направленных против всех форм рабства, и письма многим людям в России и других странах. Огромное место в архиве занимают письма к нему самому. Их около пятидесяти тысяч.

Работники рукописного отдела навели справку и тут же порадовали доброй вестью: письма Александра Феофилактовича Никитина сохранились.

Значит, мы сумеем получить более отчетливое представление о переписке, прочесть не только то, что писал Толстой, а и написанное его далеким корреспондентом. Надо полагать, что это прояснит многое.

Предположение оправдалось. Письма А. Ф. Ники- ' тина, действительно, оказались интересными, искренними человеческими документами, дающими возможность узнать, понять настроение их автора, обуревавшие его мысли и чувства.

Вот они, эти письма, перед нами.

Первое датировано 27-м сентября 1907 года.

"Да здравствует "а многие лета великий русский мыслитель Лев Николаевич, - начинает письмо Никитин.- Привет Вам из далеких степей Башкирии. Лев Николаевич, простите, что я, такой ничтожный человек, решаюсь беспокоить Вас. Ваше человеколюбие ко всем побудило меня обратиться с вопросами жизни, которые всегда меня беспокоили с тех пор, как я стал прозревать... Родом я из Оренбургской губернии, воспитывался, или .просто сказать жил, я до 16 лет в глухих степях Башкирии, между инородцами (чувашиами и башкирами), но, выучившись немного грамоте, у меня всегда было влечение к книгам. Конечно, известно, какие могут быть книги в деревне, и мне приходилось читать, что попало..."

Будучи взят на военную службу, сообщал далее автор письма, "здесь, через товарищей, доставал уже порядочные книги, а также перезнакомился с партийными

людьми*. В период службы к Никитину попало и несколько изданий Толстого (по всей вероятности - его публицистические произведения). Они произвели на читателя неизгладимое впечатление. "У меня явилось неугомонное желание как можно скорее и больше прочитать Ваши сочинения... Но, к сожалению, нигде я не мог достать более*.

Только после увольнения из армии - оно было вызвано перенесенной Никитиным болезнью - перед ним открылась возможность удовлетворить свое стремление. Накупив и выписав книг Толстого, автор письма вернулся в родные места, к матери, надеясь, что "в глуши и в тиши" сможет "спокойно заняться физическим трудом и духовным развитием".

"Но, к великому не-счастью, мне не дали и половину прочитать,- говорится в письме.- Пронюхав, наши "правители" чуть не отняли все, и я благодаря моему ангелу-хранителю остался еще на свободе. Но, зная, что там мне не миновать ихних цепей, я решил при жизни моей лично побывать у Вас... Хорошо знаю, Лев Николаевич, что Вам всякая минута дорога, но тем не менее покорнейше прошу не лишать меня такого счастья и принять в свободное время хоть на несколько секунд...

А. Ф. НИКИТИН. Снимок 1906 г.

Своего адреса Никитин не давал. Подпись под письмом - "Благодарный крестьянин Оренбургского уезда"- не являлась, конечно, адресом для ответа. Конверта с почтовым штампом, указывающим место отправления, в архиве также не оказалось, хотя обычно конверты здесь сохраняются. Во многих случаях на них либо рукой Толстого, либо близкими ему людьми отмечалось, какой характер должен носить ответ тому или иному корреспонденту, что именно следует написать. Тут же, повторяем, конверта не было.

Но ведь в комментариях к одному из писем Толстого угадывается, что 28 сентября Никитин был принят писателем. Письмо написано за день до этого. Значит, оно было вручено Льву Николаевичу или кому-то из близких к нему людей непосредственно в Ясной Поляне, то-есть явилось не запросом о возможности приехать, а, так сказать, "визитной карточкой". Никитин просил принять его "хоть на несколько секунд". Встреча была куда более продолжительной. Об этом позволяет судить второе из хранимых в рукописном отделе писем Александра Феофилактовича. Оно отправлено уже из Оренбурга. В верхнем углу стоит дата-17 октября 1907 года.1 После встречи с Толстым прошло, следовательно, почти три недели.

"Милый старший брат Лев Николаевич!- обращается Никитин.- Простите за беспокойство, но не могу не передать те чувства радости, которые во мне остались по посещении Вас".

Письмо исполнено живого волнения, вызванного встречей с великим писателем.

"Когда я пришел уже к выводу, что не нынче-завтра, а обязательно попаду в руки наших истязателей,- вспоминает он,- я решился собраться к Вам и получить некоторые наставления и видеть Вас лично. Хотя сборы эти были для меня очень тяжелы, но раз надумал-'Мои крылья уже не удерживались. Тяжелы были в том смысле, что думалось: что мне нужно, такому ничтожному человечку, от таких великих людей? Ну что я был должен говорить, зачем я пришел и зачем тревожу и отнимаю у людей время? Несмотря на это и зная хорошо, >что при виде Вас я не сумею сказать ни слова (что и случилось), я написал и подал Вам... Если бы Вы, Лев Николаевич, не распечатали и не прочитали мое письмо и вернули его обратно мне, то, право, что бы было со мною, я не знаю. Я бы, по всей вероятности, остался разочарованным во всем и сказал бы себе: "Вот тебе правда, был лицом к лицу с правдою и не мог достигнуть*. Да, я верю, Лев Николаевич, что мой бог счастливый, и он внушил Вам, что этому человеку нужно что-то особое. И вышло так: что я дум>ал и мечтал, сразу мне далось в изобилии".

Эти строки, передавая волнение Никитина накануне встречи с Толстым 28 сентября, дают основание говорить о предшествовавшей ей первой встрече в день, когда было написано известнее нам письмо,-о 27-го. Увидев писателя, Александр Феофилактович смог только протянуть заранее подготовленное письмо. По собственному признанию, он не был в силах сказать ни слова.

Эта, первая, встреча состоялась, скорее всего, у "дерева бедных"-'Старого вяза, под которым по утрам обычно собирались крестьяне и прохожие, приходившие к Л. Н. Толстому с просьбами или за советом. Здесь же (по обыкновению своему, ничего не откладывая) Лев Николаевич распечатал и прочел письмо Никитина, с нетерпением ожидавшего решения.

Толстой понял его чувства и назначил встречу на следующий день. Так 'представляется нам двадцать седьмое сентября, проведенное Никитиным в Ясной Поляне, принесшее ему радость видеть Толстого и еще большую - от предстоящего исполнения желания говорить с ним по душам.

И вышло так: что я думал и мечтал, сразу мне Далось в изобилии..."- пишет Никитин. О каком "изобилии" идет речь? Прежде всего, корреспондент говорит о книгах. "Раньше я думал,- заявляет он,- хотя бы мне пришлось работать у того человека сколько угодно, только бы прочитать Ваши сочинения. У Вас же я не смел спросить письменно и лично, думая, что нет книг Ваших... А теперь уже, когда дело приняло такой оборот, нет границ моим радостям... Я буду стараться, пока возможно, не только сам читать, но и распространять между моих друзей и знакомых".

Никитин радуется тому, что получил книги Толстого. Они были получены, как явствует из письма, либо от самого писателя, либо от кого-то другого по его указанию - но уже здесь, в Ясной Поляне. Получены в большом количестве - не чем иным вызвано обещание распространять их среди людей.

Б письме из Оренбурга - отголоски разговора, происходившего в яснополянском саду. Оробев в момент передачи письма, Никитин не молчал, получив

возможность говорить с Толстым. Он рассказал о своей жизни, о преследованиях со стороны тех, которые душили все живое. Речь шла о толстовских взглядах, о проповедуемой писателем религиозно-нравственной Морали "всеобщей любви". В беседе затрагивались и известные Никитину статьи проповедников "толстовства", в частности наиболее убежденного среди них и близкого 'Самому Толстому - В. Г. Черткова.

Не может не задержать внимания фраза, сказанная писателем и приведенная Никитиным: "Что, г-н Чертков не ошибается ли, придавая моим словам очень большое значение?" Она, правда, дана вне остального текста беседы, но в ней, этой фразе, слышатся отзвуки сомнений, которые все чаще посещали Льва Николаевича в тот период.

Произведения Л. Н. Толстого по праву называют энциклопедией русской действительности. В своем творчестве он отразил все сколько-нибудь существенные стороны жизни России за целое столетие - начиная с Отечественной войны 1812 года и заканчивая революцией 1905-'1907 годов.

Писатель не мог оставить (и не оставил) без внимания ни одного актуального, животрепещущего вопроса. С огромной силой обличены им челоноконенавистническая сущность крепостного строя, насквозь лживая мораль угнетателей, кровавые преступления царской власти и господствующих классов против трудового народа. Разоблачая, и клеймя отороки общества, основанного на социальном неравенстве, социальной несправедливости, Толстой с присущим ему острым критицизмом писал о суде и государстве, семье и собственности, религии и искусстве. Толстовская критика всевозможных проявлений рабства, угнетения, милитаризма и 'поныне сохраняет свою взрывчатую силу. Читая его произведения, проникаешься все большим уважением, все 'большей любовью к тому, Для кого страдания народа стали собственными страданиями.

Беспощадная правда - таков главный герой творчества исполина слова. Именно это сделало его "зеркалом русской революции". Так назвал гения литературы гений трудового народа. Толстой был любимым писателем В. И. Ленина, и именно Владимиру Ильичу обязаны мы тем, что имеем возможность понять Льва Толстого во всем его величии и всей сложной противоречивости,

С могучей силой убеждения звучат ленинские статьи, в которых доказывается, что противоречия во взглядах писателя не являются случайными, что они отражают 'противоречия переломной эпохи русской истории, когда, едва освободившись от крепостного права, русская деревня была брошена на разграбление капитализму, когда прежние устои крестьянского хозяйства 'пошли на слом. В 'период 1861 -1606 годов, как указывал В. И. Ленин, крестьянство все больше проникалось ненавистью к самодержавному строю, вконец скомпрометировавшему себя в глазах народа, стремлением к уничтожению помещичьего землевладения. Но этот же период дает множество примеров нерешительности и непоследовательности крестьянских масс, 'Слабости их общественного движения, прямого воздержания и даже отречения от политической борьбы.

Такое 'переплетение противоречивых элементов крестьянской идеологии сказалось и на деятельности Л. Н. Толстого. Рядом с суровым обличением всего уклада пореформенной России, рядом с гневным, стра-стным обличением существующих порядков, в произведениях его звучат призывы к "непротивлению злу

насилием", к "нравственному самоусовершенствованию*", как единственному средству выхода из тупика.

Революция 1905-1907 годов обострила и без того кричащие противоречия во взглядах писателя. Она вместе с тем нанесла сокрушительный удар по слабым сторонам философии Толстого, которые были положены его поклонниками 'В основу "толстовства". Пробудившиеся массы, взяв себе, как свое законное достояние, обличительный гнев писателя, все решительнее отвергали его религиозные проповеди, являвшиеся помехой в борьбе. Вопреки уговорам 'Приверженцев и организаторов' "толстовства"- таких, как упомянутый Чертков,- Лев Николаевич все чаще задумывался над своими взглядами и многое начал брать под сомнение.

"Верно или неверно определяют революционеры те дела, к которым стремятся, они стремятся к какому-то новому устройству жизни,- обращался Толстой к царю и его сатрапам, учинившим кровавую бойню 9 января 1905 года,- вы же желаете одного: удержаться в том выгодном положении, в котором вы находитесь. И потому вам не устоять против революции с вашим знаменем 'Самодержавия, хотя бы и с конституционными поправками, и извращенного христианства, называемого православием, хотя бы и с патриархатом и всякого рода мистическими толкованиями. Все это отжило и не может быть восстановлено" '.

Понять сомнения и противоречия, которые мучили Толстого, Никитин тогда не мог. Словно продолжая разговор, проходивший тремя неделями раньше в Яснополянском саду, он в цитируемом письме пытается уверить, что истины Толстого и позиция Черткова непогрешимы. Чертков, как можно видеть из письма, особенно близок Никитину тем, что пропагандирует толстовские идеи, "не щадя себя" и не будучи "гарантирован от наших правителей, которые всякую минуту... могут взять и засадить".

Александр Никитин, судя по его письму, хорошо знал, что распространение запрещенных цензурой произведений Л. Н. Толстого может повлечь самые суровые наказания. Тем не менее он изъявлял желание и готовность посвятить себя 'этому "великому и снятому Делу".

"Лев Николаевич,- обращается он,- если Вы разрешите переводить Ваши сочинения на чувашский язык, то я начну в скором же времени; думаю, что, может быть, принесу хоть маленькую пользу, этим..."

В заключение письма из Оренбурга автор сообщал, что по отъезде из Ясной Поляны никто его "не тревожил" и делал вывод, что "ангел-хранитель" продолжает сопутствовать и помогать ему. В чем? В данном случае (как можно заключить из сопоставления этих слов с написанным выше) в перевозке литературы для распространения в родных местах.

Таково письмо, написанное под глубоким, неизгладимым впечатлением встречи с Толстым.

Письмо Толстого от 16 декабря 1907 года - то самое, которое впервые было напечатано в "Календаре для каждого на 1917 год",- являлось ответом именно на это письмо А. Ф. Никитина. Одновременно он получил и письмо от Маковицкого. По поручению Льва Николаевича, его друг и единомышленник сообщал Никитину, что Толстому было приятно с ним познакомиться и что ныне писатель "радуется мысли, что его сочинения будут переведены на чувашский язык".

Между прочим, именно письмо от Никитина заставило Толстого вернуться 'к воспоминаниям детства, о которых мы говорили в предыдущем очерке. Писатель воскресил в своей памяти и "ужасно бедные" чувашские деревни вдоль Волги, и ругательное "ты чувашин" во время ученья в Казанском университете. В связи с письмом от Александра Феофилактовича Маковицкий рассказал Толстому слышанное от Никитина о том, как в их селе перекрестили и перевенчали язычников ;,-чет 10 тому назад". Насильственное крещение народа'};; являлось для Льва Николаевича еще одним доказательством правоты его взглядов на "казенную Церковь", которая, "купе с царской властью, угнетала я одурманивала миллионы людей.

Есть и другие основания утверждать, что та встреча в Ясной Поляне была важной не только для Никитина, но и для самого Толстого. В этом убеждает знакомство с его дневниковыми записями за последние месяцы 1907 года.

Толстовские дневники, впервые полностью опубликованные в 90-томном издании, дают бесценный документальный материал о жизни и деятельности автора "Войны и мира", "Анны Карениной" и других гениальных произведений. "Они-"я",-определял значение дневников Толстой и с возможной аккуратностью вел с юношеских лет до последних дней жизни.

Это, конечно, не означает, что в ведении дневников не было перерывов. Были - и нередко весьма длительные. На такой пробел мы натолкнулись в поисках записи от 28 сентября. Ее не оказалось: после 26 сентября сразу шла за 10 октября.

Но известно, что в последние годы Толстой сначала -записывал свои мысли и наблюдения, равно как и другие важные сведения, в записные книжки, а уж потом, некоторое время спустя, переписывал в дневник. По тем или иным причинам многие дни так и остались в черновых записях. Вот и в данном случае искомое обнаружилось в записной книжке № 1, известной иначе под названием "Карманный ежедневник на 1907 год":

"26 сент.

Здоровье лучше. Чувашии писарь. Послал к Гусеву. Собрал к Кругу Чтения. Ездил с Репиным. Беседовал с Гусевым очень хорошо. Читал о Буддизме" '.

Несколько лаконичных фраз, а за ними - полный многообразных дел "интересов, большой день Льва Толстого.

Беседа с очувашином писарем"-А. Ф. Никитиным - здесь на первом плане. Из всех встреч с посетителями, 'которые пришли к писателю в этот день, выделена она одна. Между тем, как можно судить по воспоминаниям И. Е. Репина, гостившего-у Толстого и-упоминаемого в той же записи, ежедневно к "дереву бедных" являлось много самых разнообразных людей, среди которых "мужчины, странницы, босяки, прохожие и иногда даже монахини" '.

О характере состоявшейся беседы мы можем судить по письму Никитина - других свидетельств о ней в литературе о Толстом нет. Об интересе, проявленном к гостю издали, о вызванном им доверии говорит относящаяся к этой же встрече запись в книжке: "Послал к Гусеву".

Н. Н. Гусев за два дня до этого стал секретарем писателя. Он жил в доме А. Л. Толстой в ее усадьбе в Телятинках, в трех километрах от Ясной Поляны. Значит, Толстой не только принял Никитина и долго беседовал с ним, но и направил к своему секретарю, который должен был выполнить какое-то конкретное поручение Льва Николаевича. Не писал ли он записки? Нет, по крайней мере в собрании сочинений отыскать ее не удалось... С чем явился Никитин к Гусеву?..

Встречи, подобные этой, вызывали в Толстом прилив сил.' Трудно отказаться от того, чтобы привести еще одно свидетельство И. Е. Репина, относящееся к 28 сентября. Знаменитый художник описывает прогулку на лошадях. "Мой лесной царь,- пишет он о Толстом,-о понесся быстро английской рысью. Транопа-. рантным светом, под солнцем, особенно эффектно блестит золотом его борода по обе стороны головы. Царь все быстрее наддает, я за ним. А впереди, вижу, молодая береза перегнулась аркой через дорогу, в виде шлагбаума. Как же это? Он не видит? Надо остановить... У меня даже все внутри захолонуло... Ведь перекадина ему по грудь. Лошадь летит... Но Лев Николаевич мгновенно пригнулся к седлу и пролетел под арку" г. Как не напомнить, что незадолго перед тем Толстому исполнилось 79 лет и что за два дня до этого он записывал в дневнике о "тоске и борьбе". Впрочем, даже такое состояние не помешало ему начерно закончить "Новый Круг Чтения*". В день посещения Никитиным Толстой начал четвертую редакцию своего сборника изречений мудрых людей.

Но вернемся к письмам А. Ф. Никитина.

Осуществить свое намерение - взяться за переводы произведений Толстого на чувашский язык в скором же времени-ему не удалось. Следующее письмо, датированное 20-м марта 1908 года, отправлено в Ясную Поляну из Оренбургской тюрьмы '.

"Я думаю,- пишет он,- что Вы помните еще того инородца, который забрел к Вам прошлую осень, ища сеета и правды. Трудно, оказывается, искать,- тем более у нас на матушке-Руси. Только начнет человек протирать глаза, как уже около него стоят к его услугам "няньки", которые шепчут: "Спи, милый, спи". Но "милому" надоело лежать, он начинает уже переворачиваться с боку на бок. Но "нянюшки" опять пристают: "Может быть тебе, дорогой, мешает здесь шум уличный, тогда мы можем перенести в более спокойную комнату, где никто не будет мешать, а также, кстати, и ты не помешаешь уже никому". Когда "милый*" решительно заявляет, что он выспался и хочет уже пойти погулять на свежем воздухе, то "нянюшки", боясь, чтобы он не мог простудиться на свежем утреннем воздухе, берут "бережно" и переносят его в "убранную" и "спокойную" комнату. Тут уж протесты ничего не помогают... В настоящее время и я очутился в такой "богато-убранной"комнате".

Обращает внимание сарказм, с которым Никитин характеризует нравы самодержавия. Его аллегии абсолютно прозрачны и не требуют каких-либо пояснений.

Сопоставляя это письмо с предыдущим, можно убедиться: на многое корреспондент Толстого стал смотреть гораздо более зрело.

"Хотя и спокойная "комната", но уже спать не хочется,- ведет он свой рассказ 'Дальше.- Это еще от того, что здесь оказалось много интересных "безделушек". .

Дойдя до этого - бесспорно главного - места своего письма, Никитин меняет тон. Он отказывается от аллегорий, которые уже мешают ему в передаче впечатлений и выражении чувств, "Мне теперь предстал случай более ознакомиться ближе с людьми, которых я, оказывается, знал 1/1000 долю,- заявляет Никитин.- Здесь оказались многих "сортов". Взгляды на жизнь у всех разные и ни одного подходящего с Вашими взглядами. По совести сказать, я их назвал здесь ".безделушками", но они, в свою очередь, называют: "О, эти безделушки-толстовцы".

Никитин приводит высказывания, которые характеризуют отношение политических заключенных, в большинстве своем участников революции 1905-1907

го-дов, к слабым сторонам деятельности Л. Н. Толстого - особенно к его проповеди "непротивления злу".

Что и говорить, Никитину довелось услышать самые нелестные отзывы о тех взглядах, которым он до этого слепо поклонялся.

"Бывают,- сообщает он Толстому,- иногда такие рассуждения: "Мы-то хоть пострадали за дело, а вот толстовцев за что сажают? Они же не желают сопротивляться, так пусть бы на воле исполняли свою идею".- "Народ не вредный, они же сами подставляют щеку". - "Тут вот сопротивляешься, и то туго поддается дело, а если не будешь сопротивляться, то вообще много найдется охотников ездить верхом*. Бывают иногда и такие вопросы, которые я и в книгах кое-где встречал, например: "Что будете делать, если опричники настоящего времени придут к вам в село и начнут разгуливать, развратничать и будут при ваших глазах позорить и бесчестить ваше семейство? Неужели вы будете 'стоять и хладнокровно смотреть на это?'" Иногда, как умею, отвечаю, но больше предпочитаю молчать..."

Такие вопросы, безусловно, не могли не заставить Никитина задуматься.

Ему не понятны прямые, нелицеприятные идейные споры политических между собой. Он пытается втиснуть свои наблюдения в рамки "христового учения", рассуждает о "равенстве и братстве". Но, читая и перечитывая письмо, все явственнее ощущаешь колебания человека, которому многое приходится передумывать, пересматривать. Вероятно, и сомнения Толстого, которые в предыдущем своем письме Никитин пытался, развеять, теперь стали ему понятнее.

Свое письмо из тюремной камеры Александр Фео-филактович заканчивает просьбой: "Был бы бесконечно рад, если бы прислали кое-какие наставления и советы".

Толстой не замедлил с ответом - им является второе из цитированных нами писем к А. Ф. Никитину (датированное 7-м апреля 1908 года. Лев Николаевич продиктовал письмо в фонограф, полученный незадолго перед тем в подарок от Эдисона. Как вы, конечно, помните, писатель выразил в нем радость по поводу "хорошего, радостного, твердого настроения" Никитина и пожелание "удерживаться в нем", с сожалением отозвался о "заблуждающихся" революционерах, а в качестве главного наставления приложил "письмо... дав-кишнее к одному из революционеров*". Это письмо можно прочесть в 64-м томе полного собрания сочинений. Оно адресовано М. М. Чернавскому - политическому ссыльному, бывшему "землевольцу", впоследствии члену партии эсеров. Написанное еще в 1888 году, письмо от начала и до конца посвящено утверждению "непротивления злу насилием*" и "нравственного самоусовершенствования". Доводы письма к Чернавскому Толстой считал, наверное, достаточно вескими, убедительными и двадцать лет спустя. Очевидно по'этому в своем совете Никитину он обошел многие вопросы, которые ставил - правда, косвенно - его корреспондент, когда приводил высказывания соседей по тюремной камере. Писатель был уверен в том, что "милый брат Никитин", который приезжал к нему в Ясную Поляну, сумеет устоять перед критиками толстовских взглядов.

Получил ли Никитин это письмо? "о Дошло ли оно до тюремной камеры?

В комментариях к письму указывается, что "А. Ф. Никитин больше Толстому не писал". Между тем в рукописном отделе Музея Л. Н. Толстого нам удалось обнаружить еще одно никитинское письмо. Оно было написано 27 августа 1908 года уже в Самаре.

Никитин ни одним словом не упоминает, о письме Льва Николаевича в тюрьму, о 'посланной им брошюре, как и не отвечает на вопрос, имеет ли он "Круг Чтения".

Именно это, прежде всего, укрепляет нас в сомнении относительно вручения ему дорогого пакета.

Тюремное начальство, несомненно, не было заинтересовано в том, чтобы в камеру политических проникали "вредные веяния", к которым оно относилось, конечно, и все, что писал "бунтовщик", "еретик" Толстой.

В ходе последующих поисков сомнения в получении Никитиным письма и брошюры от Толстого еще более возросли.

Но об этом -'далее. Пока лее следует 'сказать о заключительном письме его к Толстому.

Оно было короче предыдущих и носило сугубо деловой характер: Никитин ставил практические вопросы организации перевода тгроизведений писателя на чувашский язык. Тюрьма не угасила в нем желания всемерно способствовать культурному и политическому подъему своего народа -"зажатого, забитого и, конечно, очень темного".

"При первом еще посещении Вас,- писал Никитин,- у меня явилась мысль насчет перевода Ваших, хотя бы некоторых, произведений на чувашский язык. Но вскоре после посещения Вас я потерпел маленькое "крушение". В настоящее время уже меня выпустили и выслали из пределов губернии на два года. При сидке, как и теперь, я не могу успокоиться и всегда меня преследует та мысль".

Однако всему помехой - "материальное положение". Не укажет ли писатель, кто мог бы помочь в налаживании издательской деятельности?

"...За переводом и людьми задержки нет, но... на издание нет средств и достать, при всем искреннем желании, нет никакой возможности".

Горькое признание!

Письма Александра Феофилактовича Никитина дают ценный материал для характеристики этого ищущего, пытливого и деятельного человека из народа.

Дом А. Ф. НИКИТИНА в селе Кривяе-Илюшкино.

Но, взявшись за изучение знакомства и переписки Толстого с "чувашиним Н.", нельзя было довольствоваться тем, что удалось узнать из писем Никитина.

Поиски дополнительных сведений привели в Государственный архив Оренбургской области.

Здесь, в фондах губернского жандармского управления, оказалось дело "Об исследовании 'политической неблагонадежности Александра Никитина и других". На

сорока его листах освещена вся история ареста и - тюремного заключения корреспондента Льва Николаевича Толстого.

"7-го сего января,- доносил 11 января 1908 года в департамент полиции министерства внутренних дел жандармский полковник Леонтьев,- ко мне поступило от пристава 10-го стана Оренбургского уезда дознание о запасном младшем писаре из крестьян села Кривле-Илюшкино, К у ю р га зин с ко и волости, Александре Феофилакговиче Никитине, из которого видно, что 20 ноября 1907 года при письме Никитин прислал из Оренбурга учителю школы в родном селе Ф. М. Лас-тухину, брату своему - учителю в дер. Николаевке, Репьевской волости - П. Никитину и крестьянам села Кривле-Илюшкино Герасиму Краснову и Петру Филиппову около 200 книг и брошюр сочинения Л. Н. Толстого и других вредного направления, а 20 декабря того года Никитин, прибыв в деревню Новотроицкую, Куюргазинской волости, начал распространять книги среди крестьян".

Во время обыска, произведенного у крестьян, книг уже "обнаружено не было". Что же касается обыска у самого Никитина, то тут жандармам повезло больше. Им удалось найти важные доказательства его "крамольной" деятельности.

Читаем перечень найденного.

"Записка от Л. Т. на имя Николая Николаевича, в которой говорится: "Пришел ко мне податель этого письма, он мне очень понравился (далее неразборчиво)".

Записка Льва Николаевича Толстого!

Николай Николаевич - это, конечно, Гусев, секретарь писателя.

Так вот с 'чем послал Толстой Никитина к своему секретарю в Телятинки - с собственноручной запиской, в которой отзывался о посетителе самым лестным образом.

Что он писал еще? Какое давал указание или какую высказывал просьбу?

"Далее неразборчиво...*

Действительно, почерк писателя не относится к числу каллиграфических, разобрать написанное им бывает весьма трудно. Но, сдается, пристав 10-го стана, на чей протокол обыска ссылался жандармский полковник Лоонтъев, .просто не уяснили, что "Л. Т." это не кто иной, как Лев Толстой. Он не мог и подумать, что "запасной младший писарь из крестьян" был в Ясной Поляне, что сам Толстой пишет о нем: "...он мне очень понравился".

Записка была включена' в протокол как подозрительный, но в то же время рядовой документ, и даже до конца не разобрана.

О чем в ней шла речь? Скорее всего, о книгах. Иначе каким образом в распоряжении Никитина могло оказаться такое количество литературы?

Доктор филологических наук профессор Н. Н. Гусев, к которому мы обратились, подтвердил это предположение и поделился своими воспоминаниями.

"Приехал я к Льву Николаевичу 26 сентября 1907 года,- написал он автору этой книги,- а через два дня, 28 сентября, Лев Николаевич и прислал ко мне Никитина с запиской, которая была переписана жандармом в деле Никитина.

Очень жалею, что я не списал ее тогда...

Никитин произвел на меня очень благоприятное впечатление. Это был очень живой, симпатичный и серьезный человек. Бремя тогда было очень трудное, повсюду были аресты, арестовывались и единомышленники Толстого, и я сам ждал ареста. Я был тогда очень молод (25 лет) и горяч и ареста нисколько не боялся. Помнится, в

таком духе я говорил и Никитину, дал ему запрещенных книжек Толстого и напутствовал его, чтобы он не боялся их распространять*.

Производившим обыск в селе попался в руки "дневник Никитина с частью вырванными листами". Мы убеждены, что вырванными были именно страницы о поездке в Ясную Поляну и встрече с Л. Н. Толстым. Александр Феофилактович тщательно соблюдал тайну своей поездки к Толстому, оберегая имя писателя от жандармского слуха и жандармского глаза. Почувствовав приближение ареста, он уничтожил записи о самых важных и дорогих для него событиях. Уничтожить записку, собственноручно написанную Львом Николаевичем, Никитин был не в силах. Но тайна "Л. Т." им так и не была открыта.

В дневнике Никитина подозрительными жандармам -показались только три записи: "14 декабря получил печальную весть об аресте Н. Н.", "26-28 декабря на крестьянском сходе читал сочинения крестьянина Болдыгова, слушали очень внимательно" и "30 декабря собрано было мало народу".

"Арест Н. Н." - это арест того же Николая Николаевича Гусева, последовавший 22 октября и имевший своей причиной "противозаконные беседы* его с местной молодежью, а также распространение запрещенных произведений Толстого. Никитин, как явствует из записи, продолжал внимательно следить за всем, что было связано с любимым писателем.

Описка А. Ф. Никитина. Следует читать: Бондарева.

"Сочинения крестьянина Болдырева" также имеют к Толстому прямое отношение.

Речь идет о книге Тимофея Михайловича Бондарева "Трудолюбие и туеядство, или Торжество земледельца". Автор ее утверждал, что земледельческий труд является первородным законом, данным человеку, и все бедствия происходят только от неисполнения этого закона; из сделанного им вывода вытекала проповедь спасительности земледельческого труда для всех людей.

Получив в 1885 году рукопись Бондарева, а затем вступив в переписку с этим крестьянином, Лев Николаевич в своей статье "Так что же нам делать?" впоследствии признавал: "За всю мою жизнь два русских мыслящих человека имели на меня большое нравственное влияние и обогатили мою мысль и уяснили мне мое мирозерцание. Люди эти были не русские поэты, ученые, проповедники, это были два, живущие теперь, замечательных человека, оба крестьяне Сютеев и Бондарев".

Труд Бондарева был, без сомнения, также привезен Никитиным из Ясной Поляны. Известно, что Толстой пришил самое деятельное участие в распространении этого произведения. В 1906 году извлечения из сочинения Бондарева, вместе с заметками Льва Николаевича о нем, были напечатаны издательством "Посредник"; вскоре после посещения Никитиным Толстого, в 1908 году, книжка была конфискована.

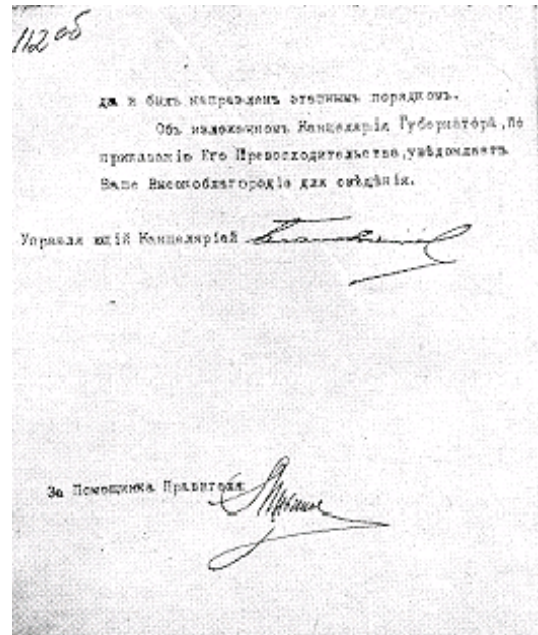
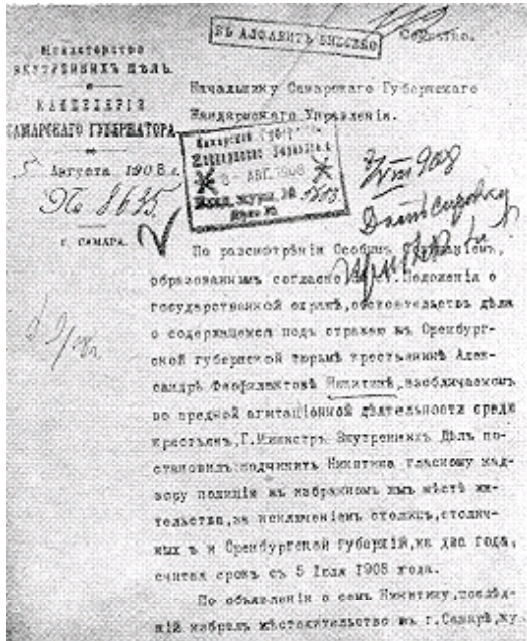
"Собрано было мало народу" 30 декабря, очевидно, не по вине Никитина >и не по вине крестьян, которые до этого "слушали очень внимательно". Сходами заинтересовались власти, начались преследования.

Во время обыска у Никитина был обнаружен ряд книг Л. Н. Толстого - его произведения последних лет. Среди них - "Земля и труд". В этом сборнике излагались взгляды писателя на земельную собственность и крестьянскую работу, содержалась резкая критика негодной, гнилой политики царской власти.

У учителя Ф. М. Ластухина, кроме того, изъяли принадлежавший Никитину каталог книг, причем некоторые из них были "с революционными оглавлениями".

Констатируя, что Никитин "агитировал против церкви, порицал щегольство и царя", жандармский -полковник Леоитъев аканчивал свое донесение в де-шартаиснт полиции общением: "Александр Никитин 7 января баключен по "ражу в Оренбургский губернский тюремный заме* "

Арестовали и перевезли в Оренбург также "бывшего учителя" Федота Ластухина - самого активного

Государственный архив Куйбышевской области. Донесение об установлении гласного надзора над Л. Ф. НИКИТИНЫМ. 1908 г.

помощника Никитина в распространении литературы и проведении агитации среди крестьян. Его сопровождал волостной старшина. В рапорію на имя пристава 10 го стана Оренбургского уезда он доносил, что в пути следования им был "утерян и не разыскан" пакет с вещественными доказательствами. Находилось ли в пакете только то, что нашли при обыске у Лястухина, или все, что удалось обнаружить в селе, в том числе и изъятая у Никитина записка от "Л. Т.", из дела узнать невозможно.

Обыски были произведены всюду, где останавливался Никитин.

Но возвращении из поездкл в Ясную Поляну он некоторое время жил в Оренбурге у служащего Поземельного банка Васильева "в доме вдовы Бахмутской". Пристав лятого стана, получиз санкцию на обыск, нашел здесь "Восстановление ада" Л. Н. Толстого, выпущенное гьдательствок "Обновлением, а также ьряд книг социалистического толка сочинения разных авторов". Васильев показал, что Никитич "приехал к ному на квартиру 23 октября и жил у него около месяца". Из этих последних строк можно сделать вывод, что после встречи г Толстым Никитин выехал но сразу, какое-то время жил поблизости, ожидал получения большой партии книг, а, возможно, и отправляя часть из них почтой,- везти всю партию литературы при себе было рискованно:

Следствие- тянулось долго. В том же деле № 310 имеется телеграмма из Петербурга: "Срок ареста Никитина продлен. За директора Харламов* г.

Арестованный, как отмечается в материалах следствия, "при допросах не пожелал дать объяснения, касающиеся его дела". О поездке к Толстому, о беседе с ним, о том, что лите-" ратура получена именно там, следователи жандармерии так и не дознались. Становится также известным, что Никитин обратился с "вызывающим и дерзким по тону" письмом к губернатору. Самого письма здесь нет. Имеется заявление Никитина в губернское жандармское управление. "Бот уже пять месяцев, как я заключен в тюрьму, и между тем я все-таки не знаю, в каком положении находится мое дело,- писал он.- Заявляя об этом, прошу жандармское управление известить меня возможно .скорее"

Из материалов следствия мы видим, что Никитин о не м.ирился с тем положением, в котором он оказался, а всеми имевшимися в его распоряжения средствами боролся за свои права. Не обошлось тут без влияния соседей по тюремной камере, о которых писал и Л. Н. Толстому.

Кто мог быть среди его соседей?

В результате предательства провокатора в Оренбурге незадолго перед тем были арестованы почти все руководящие работники городского и районных комитетов РСДРП.

Подверглись аресту организаторы октябрьско-ноябрьской забастовки 1907 года в Оренбургских главных железнодорожных мастерских.

Находились в то время в тюрьме и некоторые активисты местной организации социалистов-революционеров.

Идейные, принципиальные .опоры между эсерами и социал-демократами, порой принимавшие очень острый характер, не всегда были понятны Никитину, но, тем не менее, не могли не оказать на него влияния и воздействия.

Только 4 июня 1908 года дело "Об исследовании политической неблагонадежности Александра Никитина и других" было препровождено губернатору. К тому времени он уже знал о Никитине и по предварительным донесениям жандармов, и по "вызывающему", "дерзкому" письму, с которым к нему обращался сам заключенный.

Б том же архиве, только в другом фонде- канцелярии Оренбургского губернатора - нами обнаружено дело "О высылке из пределов Оренбургской губернии крестьянина Александра Никитина". Оно потоньше жандармского; в-нем подводятся итог следствию,

На листе с грифом департамента полиции министерства внутренних дел значится:

"При рассмотрении Особым совещанием, образованным .согласно ст. 34 Положения о государственной охране, обстоятельств дела о содержании под стражей в Оренбургской губернской тюрьме крестьянина Александра Феофилактовича Никитина, избличаемом во вредной агитационной деятельности .среди крестьян, министр внутренних дел постановил:

подчинить Никитина гласному надзору полиции в избранном им месте жительства, за исключением столиц, столичных и Оренбургской губерний, на два года, считая срок с 5 июля 1908 года".

Полицейская машина привела это предписание в исполнение.

"Полицейское управление,- значится в следующем документе,- имеет честь уведомить, что крестьянин Александр Никитин высылается этапом в г. Самару 7 июля для водворения под гласный надзор полиции на два года".

Тут же - извещение о прибытии Никитина в Самару...

В ходе изучения архивных дел все время не давала покоя мысль об изъятой жандармами записке Л. Н. Толстого, а также о посланных им в тюрьму письме и брошюре.

Никаких следов записки обнаружить не удалось. Она либо была утеряна в пути (такое предположение уже высказывалось и кажется наиболее вероятным), либо оказалась уничтоженной вместе с другими "вещественными доказательствами" по делу Никитина. Так или иначе, но дорогой нам автограф писателя утерян. Утрата тем более велика, что в архиве Государственного музея Л. Н. Толстого не сохранилось даже копии его. Записка, врученная Александру Феофилактовичу, не вошла в полное собрание сочинений. Но те несколько слов, которые были приведены в донесении начальника губернского жандармского управления, достойны занять с соответствующим комментарием свое место в последующих, академических изданиях сочинений Льва Толстого. Для нас ценно все, что исходит от замечательного русского писателя.

Ни разу не фигурирует в материалах следствия пакет от Толстого, хотя он не мог остаться незамеченным.

Вспоминается, что приходилось читать о погоне за автографами Толстого в среде официальных лиц жандармских и полицейских управлений и даже тюремщиков.

В 80-м томе помещено письмо "Смотрителю Челябинской тюрьмы". Оно написано в ответ на сообщение некоего И. Л. Ананенко о том, что посланные ему Львом Николаевичем книги были задержаны в тюремной конторе, где и "затерялись". Посылая вторично, Толстой счел целесообразным обратиться непосредственно к тюремному смотрителю, направив книги в двух экземплярах (один - Ананенко, другой - смотрителю) !.

Письмо и брошюра, адресованные Никитину, скорее всего также не дошли до адресата.

Не мог же иначе не откликнуться на них Никитин, столь горячо воспринимавший все, что исходило от Толстого...

В Самаре надзор за Никитиным [продолжался не менее рьяно. Об этом свидетельствуют документы Государственного архива Куйбышевской области (ГАКО).

Вот один из них - донесение Самарского полицмейстера начальнику губернского жандармского управления от 14 июля 1908 года: "Уведомляю-Ваше высокоблагородие, что согласно отношения Оренбургского городского полицейского управления от 5-го сего июля за № 1523 за проживающим на Самарской улице в доме № 70 крестьянином Александром Феофилактовичем Никитиным учрежден гласный адзор полиции".

В этом же деле есть и другие свидетельства о том, что "внимание" к Никитину со стороны полицейских властей оставалось самым пристальным.

Однако и в Самаре Александр Феофилактович не прекращал своей деятельности по пропаганде произведений Л. Н. Толстого. Об этом свидетельствует письмо от 27 августа 1908 года, о котором речь шла ранее.

В нем содержатся и некоторые подробности.

Никитин писал, что после освобождения из тюрьмы он обратился к Н. Н. Гусеву. В своем ответе секретарь Толстого сообщил корреспонденту адрес еще одного

человека, просившего у Льва Николаевича разрешение на перевод его произведений на чувашский язык.

Это был Д. Петров ' из г. Симбирска. "Вы,- обращался Никитин к Толстому,- отвечали на его письмо, причем указали на меня".

Никитин установил связь с Петровым, а затем и с Г. Федоровым, о чем он и сообщает в своем августовском письме. В этом же- -письме он подчеркивает, что в связи с материальными затруднениями теперь "нет выхода на начинание".

Написанное в канун того дня, когда Толстому исполнилось 80 лет, письмо заканчивалось "искренним и от всего сердца" приветом писателю и пожеланием жить "многие годы".

"Преданный и искренне любящий Вас Александр Никитин" - подписался автор.

Он готов был доказать свою преданность, свою любовь новыми делами.

В рукописном отделе Государственного музея Л. Н. Толстого удалось найти письма и тех товарищей Никитина, на которых он указывает, а именно - Д. Петрова² и Г. Федорова.

Первый из них не только писал Толстому, но и получил личный ответ. Д. Петров, бывший сельский учитель из чувашей, 4 июня 1908 года сообщал Л. Н. Толстому, что он хочет познакомить свой родной народ с его трудами'по исканию смысла жизни и просил Льва Николаевича написать, какие из своих сочинений он считает полезными для простого земледельца.

Ответ по указанному в письме симбирскому адресу прибыл без задержки. Это лишний раз подчеркивает

1 Д. Петров-Юман (1885 - 1939) - в годы русской революции и позже сельский учитель и сотрудник поволжских газет. В 1905 - 1907 годах выступал как политический деятель эсеровского толка. Обучался в народном университете имени Шаиявеко-го, состоял слушателем историко-филологического факультета Московского университета. Ученье было 'прервано моОилмзацией на войну. Е первый дни советской власти - председатель Симбирского губернского Совета крестьянских депутатов. Позже работал статистиком и экономистом в Чебоксарах и Москве. Выступал с рассказами и повестями на чувашском языке.

ТОману принадлежит ряд работ по вопросам истории и этнографии Чувашии. Однако в них, а также в некоторых своих художественных произведениях (например, в пьесе "На околице") он выступал с националистических позиций. (Примеч. редактора.)

То глубокое внимание, которое уделялось писателем переводам его произведений на языки народов России. В письме от 10 июня Толстой рекомендует для перевода свои книги религиозного содержания, считая их доступнее и полезнее других для деревенского жителя. Но тут же он добавляет: "Кроме того, на всякий случай посылаю вам несколько рассказов".

"Желаю вам успеха,- напутствует Лев Николаевич.- Очень рад служить Вам".

И, уже закончив письмо, задает вопрос, вновь и Вновь подтверждающий его раздумья над судьбами малых народов:

"Сколько жителей всех чувашей?" С чувством горечи отвечает на этот вопрос Д. Петров в своем письме, написанном 2 июля 1908 года '2. В нем он сообщает, что в некоторых местах малые народы рие только не растут численно, но все более и более вымирают. Тут же говорит, что главной причиной Этого является нищета народа.

Характеризуя состояние просвещения чувашей, корреспондент отмечает заслуги Симбирской чувашской учительской школы (в ее создании, как известно, активнейшее участие принимал отец В. И. Ленина - Илья Николаевич Ульянов).

Пишет Петров и о религиозно-просветительной миссии Н. И. Ильминского.

Деятельность этого ученого и педагога "(1822- 1891 гг.) по распространению грамотности среди нерусских народов России имела прогрессивное значение. Но "система Ильминского" рассматривала просвещение народов Поволжья лишь как средство их русификации и приведения в православие.

Автор письма к Толстому видит недостатки, пороки этой системы.

Толстой со всей внимательностью прочел обстоятельное письмо Д. Петрова. На конверте сохранились, слова писателя, обращенные к Д. П. Маковицкому: "Душан, благодарить за письмо и сведения".

Вместе с благодарностью за присланные сведения Петров получил и адрес Александра Никитина.

Как мы уже отмечали, писал Л. Н. Толстому и упомянутый в последнем письме Никитина Г. Федоров. Его письмо от 27 августа 1908 года, пересланное е Ясную Поляну Александром Феофилактом (цензором) подробной характеристикой состояния переводов литературы на чувашский язык.

Отметив, что переводческая комиссия при братстве ев; Гурия в Казани за тридцать с лишним лет своего существования перевела на чувашский язык и издала около 50 названий книг ("Евангелие", "Псалтыри", "Великие каноны" и прочие подобные издания), которые продавались и распространялись бесплатно, Г. Федоров кюобщал о теш, что лучшая часть "чувашской интеллигенции - сельские учителя и учащаяся молодежь - сделала попытку дать чувашскому народу литературу светского характера. Она, организовавшись в форме кружка, в 1906 - 1907 годах издавала еженедельную газету "Хылар" ("Вести"), опубликовала такие книги, как "О налогах и акциях-", "Переживаемый момент*" и другие. Но деятельность кружка вскоре прекратилась: иссякли средства, преследовала администрация. Наиболее деятельные члены его были засажены в тюрьмы и сосланы.

Осведомленность Г. Федорова о деятельности: созданной в 1906 и закрытой в 1907 г. первой чувашской газеты, о преследованиях, которым подвергались ее организаторы и сотрудники, свидетельствует о том, что и сам он был причастен "ним. Жил Федоров в Симбирске, где оказался в качестве "ссылного студента".

Подтвердив высказанное Никитиным стремление к изданию на чувашском языке хотя бы несколько произведений Толстого, Г. Федоров также вынужден был сказать о неимении никаких средств для осуществления этой ме'чты. В 'Конце письма он спрашивает, что Г. Федоров (Алюнов, 1876 - 1921) - в описываемое время -студент Ярославского юридического лица. За участие в революции 1905 - 1907 годов к причастность к партии социалистов-революционеров был сослан в Симбирск. Позже, н период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и в годы гражданской войны, выступал как лидер чувашских правых эсеров-националистов, один из активных членов самарского комуча. (Примеч. редактора.)

Не может ли Толстой назвать .кого-нибудь, .к которому можно было бы обратиться за помощью.

Толстой не мог ничем помочь. Средства, имевшиеся в его личном распоряжении, были крайне недостаточны. В добрых намерениях либералов он уже

давно разуверился. Глубоко сочувствуя горестям и невзгодам крестьянских масс, осуждая пренебрежительное отношение к малым народам и колониальный разбой во всех его проявлениях, писатель не видел реальных путей к осуществлению этого конкретного практического вопроса.

Об этой переписке Д. П. Петров, впоследствии взявший себе литературный псевдоним - Юман, оставил вопомятания. Как он пишет, группа чувашских молодых энтузиастов в 1903 году собиралась даже совершить пешее паломничество в Ясную Поляну. Так как Л. Н. Толстой, помимо своей народолюбивой, опрошочической "мужицкой» проповеди, выступал и против официальной церкви, от которой народные массы видели зла не меньше, чем от полицейщины.

В 1908 году отмечался восьмидесятилетний юбилей Толстого... И энтузиасты решили, воспользовавшись этим моментом, выпустить ряд книг Толстого на чувашском языке. Известили об этом самого юбиляра, который, одоббив намерение чувашских представителей передовой чувашской интеллигенции, прислал им по почте 15 своих брошюр. Но книги не были изданы, так как юбилейный комитет в Петербурге не только не отпустил средств, но даже не ответил на письма энтузиастов.

Обращаться к чувашской буржуазии было бесполезно. Она знала только то, что Толстой не в чести у царя и в опале у церкви, предавшей его "анафеме". Да и вообще, всеми силами проявляя "верноподданнические чувства", представители местной буржуазии рьяно отмежевывались от соплеменников и не считали возможным внести хоть грош на их просвещение.

Д. Петров-Юман. "Горький и чувашаи". Журнал "Натиск*" (литературный ежемесячник правления Союза писателей Горь-вдвского края), № 3, 1935, стр. 67-73. Эта статья не учтена в изданном в 1860 г. библиографической указателе работ о Л. Н. Толстом.

До этого не было дела крупному подрядчику на лесных промыслах и оптовому торговцу Селиванову.

Это не интересовало купца Ефремова - еще одного чувашина, обладавшего капиталом. В республиканском музее в Чебоксарах стоит кресло Ефремова. Оно примечательно сделанной на нем надписью: "Тише едешь, дальше будешь". Комментарии к этому не нужны.

Читая письма А. Никитина, мы видим, как душил царизм все живое, тянувшееся к свету, как стремления лучших людей нести к народу большую культуру натывались на глухую стену нищеты. Видим и то, что никакие преграды не могли заставить их отказаться от поставленной перед собой цели.

"Дальнейшая судьба его после высылки неизвестна",- сказано о Никитине в примечаниях 78-го тома.

Но все-таки, как сложилась его жизнь? Удалось ли ему дожить до той поры, когда родной чувашский народ, как и все другие народы России, стал свободным? Посчастливилось ли увидеть расцвет культуры, о котором долго мечтал и к которому стремился в мрачные годы реакции?

Письма А. Ф. Никитина к Толстому не сообщали адреса, по которому можно было бы вести поиски. Первое было написано в Ясной Поляне в ожидании личной встречи с великим писателем; над вторым стояло лишь название города: "Оренбург" (остальное, по-видимому, затерялось вместе с конвертом); следующее он направил Льву Николаевичу из Оренбургской тюрьмы; наконец, под последним указывалось: "г.

Самара, контора торгового дома "Квиль и К%". Согласитесь, что по всем этим "адресам" искать было бесполезно.

Помогло... жандармское управление.

В уже знакомом нам деле "Об исследовании политической неблагонадежности Александра Никитина и других" неоднократно указывалось на то, что Никитин происходит "из крестьян села Кривле-Илюшкино, Ку-юргезинской волости, Оренбургского уезда". Более точные и подробные сведения содержала личная карточка заключенного. Она сообщала, что Никитину 28 лет, что занятием его является "письмоводство", а средства к жизни дает "личный заработок", что у холостого Александра Феофилактовича, есть братья Петр, Григорий, Николай и сестра Алекеандра (последние трое - в возрасте до двенадцати лет), а на вопрос об экономическом положении отвечала - "недвижимости не имеет".

Л. Ф. НИКИТИН. Снимок 1935 года.

Начинать поиски следов Никитина следовало с его родного села. До революции оно входило в Оренбургскую губернию, а ныне находится на территории Башкирской АССР.

Впрочем, первые данные о судьбе "чуващина Н.*" удалось подучить уже в Оренбургском архиве. Дело № 245 канцелярии губернатора, на которое ранее приходилось ссылаться, хранило не только донесения о высылке и прибытии Никитина в Самару, не только запрос Самарского губернатора о сути предъявленных Никитину обвинений (очевидно, это требовалось для "более "гибкого* надзора), а и запись о том, что 2 апреля 1909 года А. Ф. Никитину "разрешили перейти на жительство в г. Кустанай, Тургайско'й области".

Таким образом, уже через восемь месяцев после известного нам письма к Толстому из Самары Никитин "пожелал" (подразумевается--:был вынужден) оставить товарищей, с которыми успел установить тесные связи, отказаться от задуманной ими коллективной переводческой работы и искать себе новое место жительства.

Что и говорить, самарские шпики исправно несли свою службу...

Кривле-Илгошкинский сельский Совет к нашей просьбе сообщить о самом Александре Никитине или о его родных отнесся с живейшим участием. Председатель сельсовета М. Т. Федосов не только навел справки, но и проявил похвальную инициативу, передав полученное им письмо тому, кто, мог ответить полнее других.

Так и получилось, что уже вскоре, раскрыв конверт, мы увидели фотографию человека, чья переписка с Толстым и чья мечта о приобщении своего народа к культуре вызывали к нему самую глубокую симпатию.

Снимок запечатлел Никитина на старости лет. Не только крестьянская одежда - все говорило о том, что и впоследствии он оставался простым, скромным тружеником.

Фотографию прислал младший брат А. Ф. Никитина - Григорий Феофилактович. От него лее в ходе дальнейшей переписки был получен и другой снимок; на нем мы увидели Александра Никитина таким, каким он приезжал к Толстому.

О многом рассказал в первом и последующих своих письмах Григорий Феофилактович. Немало сведений собрал и сообщил нам директор сельской школы Гаврил Иванович Рогов. Они помогли проследить веда жизнь Никитина - кипучую, неутомонную жизнь, посвященную служению народу.

Никитин был сыном русской женщины Анастасии Михайловны и чувашина Феофилакта Федоровича. Он родился ч г. Оренбурге в 1880 году, когда его отец был на военной службе. Через два года после окончания срока службы Феофилакт-Никитин с женой и сыном переехали в село Кривле-Илюшкино.

Именно родители, люди грамотные, привили Александру стремление к знаниям, любовь к книге. Брат свидетельствует, что отец был знаком с художественными произведениями Льва Николаевича Толстого и охотно рассказывал о них, как и о самом Толстом, своим детям.

Окончив церков но-приход скую школу в Кривле-Илюшкино, Александр Никитин сам стал учить грамоте - настоящих учителей было два-три на всю волость. Юного учителя узнали и полюбили в Ново-Знаменке, в Космарке, на хуторе Барсукове - всюду, где ему довелось работать.

В 1903-1904 годах он жил в Оренбурге. Привело сюда желание учиться. Но определиться па учение не позволили материальные возможности. Знакомые помогли ему устроиться библиотекарем, и чтение дало Александру то, к чему он так стремился,- знания. Никитин познакомился и сблизился с людьми, которые ставили своей целью распространение свободолобивых идей. Отдельные из них впоследствии вошли в "Оренбургскую революционную группу", занимавшуюся не только продвижением нелегальной литературы, но и печатанием собственных листовок, организацией стачек и забастовок. Приближалась первая русская революция.

Деятельность Никитина не была тогда сколько-нибудь активной, но и она привела его к "знакомству" с жандармами. Военная служба, срок которой подошел, избавила Александра Феофилактовича от ареста.

Во время службы он тоже не терял времени зря. Помните, что писал Никитин Толстому об этом периоде своей жизни? Познакомился с "партийными людьми"; читал запрещенные издания. Там узнал он и публицистику Льва Толстого, полную гневного обличения пороков самодержавия...

Возвратившись в охваченный революционным подъемом Оренбург, Никитин восстановил прежние связи, развернул работу агитатора. Особенно горячо взялся он за распространение литературы, подрывавшей устои царской власти.

Ряд участников этой работы был схвачен. Ему удалось ускользнуть. Выехав на Кавказ, Никитин продолжал свою деятельность там. Только в 1907 году вернулся он к матери, в Кривле-Илюшкино. Была надежда, что здесь, в глуши, удастся "спокойно заняться физическим трудом и духовным развитием". Но не такой был человек

Никитин, чтобы думать только о собственном покое. Тем более в такое время, когда еще все бурлило: на предприятиях проходили стачки и митинги, в селах вели самовольные порубки помещичьего леса, требовали справедливости в распределении хлеба пострадавшим от недорода, выступали против произвола казаков. И вновь Никитин едва миновал "цепей".

Тогда-то и возникло в нем желание: прежде чем оказаться в тюрьме, побывать в Ясной Поляне, повидать того, в ком ему виделся "апостол правды*", поговорить с неутомимым искателем истины, чьими идеями он все более увлекался, получить "последнее наставление".

После встречи с Толстым, окрыленный ею, Александр Феофилактович вернулся в родные края. Он появился в Кривле-Илюшкино в ноябре 1907 года - по пути из Ясной Поляны останавливался и в Самаре, и в Оренбурге, и в ряде сел Оренбургского уезда. Всюду Никитин распространял привезенную литературу.

В Куюргазинском районе еще живы люди, которые были слушателями Александра Феофилактовича. Они помнят, как охотно сходились люди; чтобы послушать в чтении Никитина страстные статьи Толстого. Многие плохо понимали русский язык или не знали его вовсе, и он брался переводить на башкирский, на чувашский. Темпераментно, с азартом растолковывал Никитин взгляды Толстого на жизнь, его отношение к земельной собственности, к помещикам и капиталистам, его мысли о путях ликвидации несправедливости. Тогда он еще не мог понять слабые стороны толстовского учения - это произошло позднее. Но значение бесед было огромным - тем более, что Саша (так называли его и старшие, и младшие) сам побывал у Толстого, сам разговаривал с ним. Впрочем, об этом знали только наи более близкие к нему люди. Но нашлись черные Души и донесли о сходках. Никитин оказался в Оренбургской тюрьме, а затем был выслан под надзор полиции.

Самара... Кустанай...

Об этом мы знаем по архивным материалам.

А вот и последующие страницы его жизни.

Отбыв срок ссылки, он из Куйтаная вернулся в родные места. Учительствовал в Покровке, Оренбургского уезда, потом перебрался в Кривле-Илюшкино, но отсюда был сразу взят в солдаты - началась мировая война.

Никитина отправили на австро-германский фронт. Команда разведчиков 191-го Ларго-Кагульского пехотного полка, боевые награды - георгиевские кресты 3-й и 4-й степеней, австрийский плен, побег из лагеря "Книттель-фельд", водворение в другой, с более строгим режимом,- так прошло несколько лет. В Россию ему удалось вернуться уже после Великой Октябрьской социалистической революции.

Добрая память сохранилась у односельчан о своем земляке. В 1921 году Никитин был организатором столовых для голодающих. Позднее создал первую в районе из б у-читальню и, по существу, руководил ее работой. Особенно любил он детей. Собирая ребятшек, Александр Феофилактович рассказывал им много увлекательного, учил фотографировать, читал книги. Делу, культурного подъема народа он остался верен до самой своей смерти.

Он дожил до тех дней, когда в чувашском селе Кривле-Илюшкино пошла в гору объединившая всех жителей сельскохозяйственная артель "Путь к социализму", когда здесь были созданы и семилетняя школа, и амбулатория, и клуб, когда в избах зажглись "лампочки Ильича" и заговорило радио.

Он дожил до того времени, когда в селе не осталось неграмотных, когда среди его земляков, как и во всем чувашском народе, получили самое широкое распространение выдающиеся произведения русской и мировой литературы - в том числе до конца дней любимого им Льва Николаевича Толстого.

В библиографическом 'Справочнике об издании произведений Л. Н. Толстого приводятся данные, свидетельствующие о все более широком размахе переводов книг гения русской литературы на чувашский язык¹. - Уже в 1919-1920 годах чувашский отдел Нарком-наца в Казани выпустил рассказы Толстого "Дурень", "Кавказский пленник", пьесы "От ней все качества", "Власть тьмы", "Плоды просвещения". Тираж каждого издания составлял 5 -10 тысяч экземпляров. В 1921 году двадцатитысячным тиражом вышли "Рассказы для детей", появились пьеса "Первый винокур", "Сказка об Иване-дураке и его двух братьях - Семене-воине и Тарасе-брюхане и немой сесіре Маланье и о старом дьяволе и-трех чертенятах".

Начиная с 1928 года, издание произведений Л. Н. Толстого осуществляется в Чебоксарах. Чувашский читатель получил возможность познакомиться на родном языке с такими произведениями, как "Корней Васильев", "Хозяин и работник", "Хаджи Мурат", "Севастопольские рассказы" и т. д. Над переводами их работали Ф. Тимофеев, М. Данилов, Г. Иванов, П. Осипов, М. Сироткин, В. Алагер, Е. Владимиров и многие другие. Общий тираж изданий Толстого на чувашском языке к 1955 году достиг 200 тысяч экземпляров. Ныне эта цифра, конечно, гораздо выше.

Можно представить себе, как радовался Никитин, держа в руках первые массовые издания произведений Льва Николаевича на чувашском языке.

То, чего не удалось осуществить Никитину и его товарищам в черную лору царизма, свершилось после того, как народ стал полноправным хозяином своей страны, своей судьбы, своего счастья.

Жизнь, которая заинтересовала

В последний декабрь своей жизни, точнее - 14 декабря 1909 года, Лев Николаевич Толстой написал письмо А. Почуеву.

Это одно из тех писем, которые дают нам возможность полнее представить, в какие острые противоречия вступали обличительная деятельность Толстого, сочувствие писателя народу - с им же провозглашенными теориями "всеобщей любви" и "непротивления злу насилием".

Тем оно и привлекает внимание.

"Ничего не могу сказать вам такого, чего бы я не сказал в моих книгах, из которых некоторые посылаю вам",- обращался Лев Николаевич к своему корреспонденту.

Посылал он, как можно заключить из дальнейшего, свои сборники "На каждый день", выходявшие, начиная с 1903 года, несколькими изданиями.

В то время, к которому откосится письмо к Почуеву, работа над ними вновь занимала Толстого больше всего. Нелишне обратить внимание на письмо его родственницы, написанное как раз 14 декабря 1909 года и приводимое в своей книге А. Б. Гольденвейзером. "Сегодня,- сообщала она,- Лез Николаевич с утра читал письма, "На каждый день"...

К положению Почуева, по мнению Толстого, относилось, главным образом, то, что говорится в записях на "28 августа и июля и 27 июня".

Прочтем эти высказывания, поскольку косвенно они входят в рассматриваемое письмо.

28 августа... "Только в страдании мы начинаем жить душою"... "Несомненно важнее, как принимает человек судьбу, нежели какова она на самом деле"... "Как мрак ночи открывает небесные светила, так только страдания открывают все значение жизни"...

28 июля... "Вое то, что мы называем злом, всякое горе, если только мы 'принимает его, как должно, улучшает нашу душу. А 'В атом улучшении все дело жизни"... "Чем хуже 'Становится человеку телесно, тем лучше ему становится духовно"... "Болезнь нападает на всякого человека, и ему надо стараться не о том, чтобы вылечить себя от болезни, а как наилучшим образом проявить в том положении, в котором он находится..."

Но - достаточно. И без дальнейших цитат ясно, что именно хотел сказать Толстой корреспонденту, поведавшему ему свое горе, свои сомнения. "Думаю, - суммирует он все-эти высказывания, - что если человек положит главную цель своей жизни в нравственном совершенствовании (не з служении людям, а в нравственном совершенствовании, последствием которого всегда бывает служение людям), то никакие внешние условия не могут мешать ему в достижении поставленной цели".

Реакционность проповедуемых Толстым религиозно - Нравственных идеалов для нас так же очевидна, как и их нежизненность. Тем более ясна несостоятельность толстовских поучений о моральном самоу совершен -отвовании при сравнении с письмом Почуева.

Н. Л. ПОЧУЕВ. Снимок 1906 года.

Ето чувствовал сам Толстой. И . вслед1 йа ответом на заданный ему вопрос - ответом, проникнутым идеей смирения,-о идет совет: "...описать, если это вам не тяжело, свою жизнь как можно правдивее.

"Рассказ о том, что приводится переживать молодым, освободившимся от суеверии людям из народа, О'чень мог бы быть поучителен для многих",- подчеркивает Лев Николаевич, заявляя далее, что ему известны редакторы, которые с радостью поместят в своих изданиях такого рода рассказ, само собой разумеется, если он- будет хорошо написан, и хорошо заплатят за него.

"Как можно правдивее..." Проповедник религиозной морали отошел в тень, уступив место реалисту-обличителю. Он увидел: Почуев знает правду жизни, ему есть что сказать другим, и выразил пожелание, чтобы эта правда стала достоянием многих людей. А ведь Толстой- гениальный художник слова и знаток человеческой души - безусловно понимал, что рассказы, подобные почуевским, зовут отнюдь не к

смирению и непротивлению, что поучительность их может обернуться активным протестом...

Чем же заинтересовала Толстого жизнь Н. А. Почуева? Что узнал о ней Лев Николаевич из полученного письма?

Обратимся к самому письму. Оно не публиковалось ни полностью, ни в извлечениях и хранится среди множества других в рукописном отделе Государственного музея Л. Н. Толстого.

На письме - дата: 9 декабря 1909 года. Послано из Оренбурга.

Вот это письмо с небольшими сокращениями:

"Простите, что отниму у Вас несколько минут - дорогих для Вас, конечно, - своим письмом. Постараюсь изложить короче, а что неясно будет - сами поймете.

Я происхожу из мещан г. Ядрина, Казанской губернии. Ввиду бедности родителей, обремененных к тому же большим семейством, мне пришлось с грехом пополам окончить только уездное училище, которое, надо заметить, почти ничего не дало мне. Отец хотел тотчас же меня пристроить в какое-либо волостное правление, чтобы поскорее иметь помощника для семьи, но благодаря настоянию матери и моему протесту (мне не нравилась эта работа) он предложил поступить во второклассную церковно-приходскую школу, где я и проучился два года. Преподавание одного добросовестного учителя и надежда по окончании быть самому учителем заставили меня отнестись к учению более серьезно, и я постарался пополнить все пробелы уездного училища.

По окончании второклассной школы я действительно был определен учителем в школу грамоты в русской деревне. Дело учителя мне очень нравилось, и я был весьма доволен своим положением, даже счастлив, несмотря на то, что получал только 10 рублей, из которых половину еще отсылал отцу.

Спустя два года я сдал экзамен на сельского учителя, а потому и был переведен в церковно-приходскую школу с повышением оклада на 5 рублей. Деньги в то время не играли большой роли, хотя во всем была недостача, зато самое дело меня утешало; ему я и отдался со всем юношеским жаром, не жалея ни молодых сил, ни здоровья. Наблюдатель школ был мной очень доволен и часто в глаза и за глаза упоминал о моих успехах и вообще ставил меня в число первых.

Но вот началась война, крестьяне стали одолевать меня вопросами, как и что в Маньчжурии. Я предложил им сообща выписать газету - отказались, вопросы же задавать не перестали. Тогда пришлось попросить городских знакомых, чтобы они старые номера присылали. Таким образом интерес крестьян был удовлетворен.

Занятия с ребятами и правдивые ответы на вопросы крестьян сблизили меня с последними настолько, что когда начались беспорядки в России, они иоч-Ли ежедневно стали собираться в общественной караулке по вечерам и просили меня рассказывать о всем, что творится не только в России, а в других государствах. Я что знал - говорил, не скрывая, все как есть. Несколько человек изъявили желание учиться, и это было мной удовлетворено введением вечерних занятий со взрослыми. На занятиях, конечно, не только обучались грамоте, а также и обсуждали все то, что их интересует. На сходках по общественным делам часто спрашивали моего совета.

Деревенские так наз. "кулаки", лишившись главенства на оходах, сочли для себя лучшим убраться меня с помощью доиооа. Дело дошло до суда, и несмотря на хлопоты общества, кулаками и ихними свидетелями было доказано о моей будто бы противозаконной агитации. В результате - 8 месяцев тюрьмы. Выйдя из тюрьмы, был

взят в солдаты, а через полтора месяца по болезни получил полуторагодовую оторочку. Дисциплина, а главное зверское обращение начальствующих произвели на меня ужасное впечатление, так что по возвращении я чувствовал как будто у меня вышибли ту опору из-под ног, на которую раньше опирался. Но все-таки радовало, что еще не искалечили совсем. А ведь сколько людей, молодых людей, делается калеками - нравственными, конечно,- благодаря каких-нибудь унтеров и подпрапорщиков.

В надежде отдохнуть телесно и душевно я с удовольствием занялся дома крестьянской работой (у наших мещан имеется дарственная, общественная земля). Но и тут опять не повезло. Местная администрация устроила так, что меня скоро выслали административно в Оренбург.

И вот в Оренбурге я почти уже два месяца. За это время обошел все частные конторы, прося дать только работы, не справляясь о плате. И что же? Вместо работы говорят или просто "нет ничего", или очень вежливо: "к сожалению, не могу вам помочь". Даже черной работы не мог найти, потому что по мнению некоторых учителей не может быть чернорабочим.

Подобные ответы и отношение к ближнему, а также желание покушать постепенно убивали во мне веру в человечество, да не только в человечество, а и самого себя. Теперь вижу, что я нищий не только в материальном отношении, а и в духовном: у меня отняли веру в счастье, т. е. жить и быть полезным обществу и служить идеалу правды и любви. Ах, как жаль того . прошедшего счастья и никакой надежды в будущем... Ваш девиз - "правда и любовь", перед которым не так давно и я преклонялся. Теперь же, смотря в себя и вокруг, невольно начинаешь думать, что все самообман и все - общая ложь. И в то же время ужасно жаль прежней веры. Эта раздвоенность и боязнь лишиться прежней веры заставили меня обратиться к Вам, 'Как к отцу и апостолу, за ответом на запрос больной души. Надаюсь, не замедлите ответить, так как теперь я решил больше не обращаться ни к кому ни за советом, ни -с просьбой, а ждать лишь Вашего честного, правдивого ответа..."

Таково письмо от Почуева. Каждая строка его исповеди полна неподдельных, искренних чувств. Стремясь, чтобы Толстой поверил описанному, он посылает в Ясную Поляну, "как удостоверение в справедливости сказанного", единственный документ, 'Который имел -возможность отправить,- свидетельство об отсрочке от воинской повинности до окончания срока учрежденного над ним надзора полиции.

Н. А. ПОЧУЕВ. Снимок 1916 г.

"Хотя Вы, думаю, поверили бы и так",- замечает Почуев в приписке относительно этого своеобразного документа, который и сейчас хранится "месте с письмом.

Да, и без официальной бумажки поверил ему Лев Николаевич. Оттого так овзволновало писателя прочитанное письмо. Оттого не замедлил ответ на него (между датами отправки писем Почуева и Толстого интервал всего в пять дней). От полного доверия к рассказанному корреспондентом- и содержание ответа, в (котором проповедь религиозной: 'морали фактически Сводится "на нет" призывом к возможно более правдивому описанию того, что выпадает на долю "молодым, освободившимся от суеверий людям из народа.

К таким людям принадлежал Николай Александрович Почуав.

Толстой не ошибся, предположив, что жизнь Почуева дает благодарный материал для поучительного рассказа.

В этом убеждают документы, найденные нами в Государственном архиве Оренбургской области. Они позволяют уточнить и углубить некоторые биографические моменты, о которых Почуев(в писал Толстому.

Вот "Список о состоящем под гласным полицейским надзором ядринском мещанине Николае Александровиче Почуеве", составленный 26 сентября 1909 года уездным исправником Лепаринским. Большинство граф заполнено со слов Почуева, "родившегося в г. Ядрине, православного вероисповедания, двадцати пяти лет от роду".

"Грамотность или место воспитания? - Окончил курс в Ядринском уездном училище и Чурашевской, Ядринского уезда, второклассной школе...

Был ли под судом или следствием? - Был под судом за противоправительственную агитацию и отбыл восьмимесячное тюремное заключение...

Чем до сего времени добывал себе средства существования? - Состоял на должности учителя начального училища...

По какому распоряжению и за что именно учрежден гласный полицейский надзор? - По распоряжению г. министра внутренних дел за принадлежность к революционной организации.

Срок надзора и с Какого времени его надлежит считать? - Два года. Срок надлежит считать с 2 сентября 1909 года..."

Тот же "Список" дает представление о семье По-чуевых. У отца - Александра Тирановича и матери - Овчи Александровны, которые жили в Ядрине, было, кроме Николая, четверо 'сыновей и две дочери. Никакого состояния ни родители, ни потомки не имели. Чтобы не нарушать в дальнейшем последовательности изложения, сразу дополним сведения из анкеты теми, которые несколько позднее удалось получить от близких и друзей Н. А. Почуева.

Б своих воспоминаниях, написанных по нашей просьбе, они рассказали, что Почуев-отец, происходивший, как и жена его, из очень бедной семьи, на протяжении двух десятков лет работал сторожем в земской управе. Его служба не обеспечивала даже скудного питания, и к 'труду были привлечены все. Старшие пахали землю и сеяли хлеб, которого обычно хватало только на половину зимы, младшие собирали кости, тряпье, лом. Каждому в этой семье довелось испытать горькую батрацкую долго. Но как бы тяжело ни складывалась жизнь, здесь не было унынья. В ветхой избе, сквозь кровлю которой легко проникал дождь, не теряли бодрости духа. Почуевы

любили народные песни - как чувашские, так и русские, и их хор знали "по всей улице. Дружба помогала преодолевать трудно-" сти. Когда Николай решил продолжать образование,; его работу взяли на себя другие. Но и учась, он старался не быть обузой для семьи, сам зарабатывал на одежду и на питание.

Тот день, когда ему предоставили право вести учительскую работу, стал для Почуевых большим праздником.

Учительствовать Николай Александрович начал в одном из сел, где была школа грамоты. Два года спустя, подготовившись и едав экзамен на народного учителя, он получил место в церковно-приходской школе родного городка.

Здесь и состоялось первое знакомство Почуеза с революционной литературой, с революционными идеями.. В Ядрине тогда создавалась и начинала действовать социал-демократическая группа. Он познакомился, а затем сблизился с возвратившимися в уезд рабочими Василием Михайловым и Степаном Юхтановым, которые до этого трудились на предприятиях Нижнего Новгорода, с передовыми учителями Иваном Юхтановым, Михаилом Долбиловым и другими. Вместе читали "Капитал* Карла Маркса, знакомились с произведениями В. И. Ленина, распространяли листовки, прибывавшие из Казани и Нижнего Новгорода, вели агитационную работу.

"У Почуевых в саду,- вспоминает друг детства" Иван Иванович Абакумов,- была беседка, которая в летнее время служила Николаю спальней. В этой беседке вырыли подпол, попасть в который можно было из сада. Там хранились прокламации и другая нелегальная литература".

Эта работа не прервалась я после того, как Почуев получил назначение в школу деревни Кольцовки.

Прославленная ныне на всю страну, известная своим богатым колхозом и высокой культурой, Кольцовка в ту .пору представляла собой нищую деревню почти с поголовной неграмотностью. Дорога к учению была закрыта для большинства детей бедняков. Много сил довелось затратить Почуеву для то;го, чтобы привлечь к занятиям учащихся яз бедняцких семей, а затем -организовать обучение взрослых.

Учитель'Стал другом и советчиком крестьян во всех делах. Получая из Ядрина социал-демократическую литературу, он день за днем прокладывал путь свободолюбивым идеям, поднимал людей на борьбу за свои права, против помещичьих и кулацких притеснителей. Все более частыми и смелыми становились выступления крестьян, требовавших справедливого решения земельных вопросов и ликвидации произвола "власть имущих*.

Деятельность Почуева прервал донос кулаков. Весной 1907 года сн был арестован за "противоправительственную агитацию*" и приговорен к тюремному заключению.

Начался период гонений.

Едва вышел из тюрьмы, как оказалось, что "не досидел"- приговаривали, видите ли, к крепости, а отбывал в общей тюрьме. Пришлось испытать еще два месяца заключения. После вторичного возвращения принялся за крестьянскую работу (путь в школу "политическому" был закрыт), но взяли на военную службу. Она произвела на него не менее удручающее впечатление, чем тюрьма.

И все же дух не был сломлен. Приезд в Ядрин после службы в армии явился для него возвращением к революционной работе. Вместе с товарищами, которые

оставались на свободе, Почуев организовал печатание на гектографе прокламаций на чувашском языке.

Одну из прокламаций составило изложение публицистических статей Льва Николаевича Толстого о земле и земельной собственности.

Еще в школьные годы Почуеву довелось прочесть художественные произведения Толстого. Знакомство с его публицистикой произошло позднее, накануне первой русской революции. Возвратившись из тюрьмы, Николай Александрович познакомился с сосланным в Ядрин врачом Константином Васильевичем Волковым, который знал писателя лично и состоял с ним в переписке. Его рассказы о встречах и беседах с Толстым произвели огромное впечатление. С еще большим интересом стал Почуев читать все, что выходило из-под пера Льва Николаевича. Читать и распространять - среди других.

Деятельность после выхода из тюрьмы в составе -социал-демократической группы "Курмыш - Ядрин -Васильсурск" повлекла новую кару - административную ссылку. При обыске у Почуева жандармы обнаружили, в числе других и запрещенные книги Л. Н. Толстого.

Ранее приведенный "Список" был препровожден оренбургскому губернатору вместе с рапортом о высылке Почуева "с первым отходящим этапом", который, как явствует из документов, вышел из Ядрина 6 октября 1909 года.¹

Начальник Казанского губернского жандармского управления информировал шефа жандармов Оренбургской губернии:

"Данными производившейся уездной полицией переписки установлено, что означенный Почуев в числе других подготовлял крестьянскую молодежь, ремесленников-мещан к революционной деятельности, устраивал сходки, распространял нелегальную литературу, не пропуская случая внушать местным жителям о сопротивлении требованиям правительственной власти и борьбы с ней с целью переворота государственного строя".

Из того же письма становится известным, что с 1907 года Почуев состоял "под негласным наблюдением полиции".

В Оренбурге он находился около года. Бедствуя, Почуев вынужден был менять квартиры, но где бы ни оказывался, всюду за ним следило "недреманное око" полицейских. Тщетно искал Николай Александрович работы и заработка - брать ему подобных хозяева предприятий и контор опасались.

Материалы из архивов жандармского управления и канцелярии губернатора, воспоминания близких дополняют известное нам биографическое письмо Почуева, позволяют составить более полное представление о его деятельности в период, предшествовавший переписке с Л. Н. Толстым.

Перед нами встает молодой интеллигент из народа, ценой больших усилий получивший знания и стремящийся нести их людям, прозревший в политическом отношении и готовый на все, чтобы поскорее прозревали другие. Он сидел в тюрьме, он испытал, хотя и на короткое время, солдатчину, но ни то, ни другое не убило в нем веры в грядущее торжество справедливости. Однако это не революционер в полном, глубоком смысле слова. Его революционные убеждения шатки, нестояки. Административная высылка в Оренбург с вызванными ею бесправием, безработицей, нищетой, отрыв от товарищей по совместной работе - и Почуев оказался в разочаровании, в растерянности. Как жить дальше? Как поступить? С этим вопросом "больной души" он обращается к Толстому - "отцу и апостолу".

Нам известен ответ Толстого.

Ответ, в котором он зовёт к терпению, смирению, нравственному совершенствованию.

Ответ, призывающий в то же время к протесту, потому что правдивое описание жизни Почуева должно было послужить не чем иным, как протестом против гнусностей жизни, против всего того, что препятствует человеку на пути к свободе, к счастью.

В комментариях к письму Л. Н. Толстого указывается, что Н. -А. Почуев больше в Ясную Поляну не писал. Таким образом, нельзя было рассчитывать на то, что дальнейшая переписка даст ответ на вопрос, воспользовался ли корреспондент Толстого полученным советом, и какой путь он для себя избрал. Не удалось обнаружить и последующие материалы полицейского надзора. Из жандармской переписки было известно только то, что 6 сентября 1910 года Почуев обратился к губернатору с заявлением, в котором сообщал, что, отбыв половину срока полицейского надзора и не имея почти никакого заработка, вынужден уехать из Оренбурга и просил разрешить ему избрать новым местом жительства г. Курган, Тобольской губернии. После наведения многочисленных справок о "поведении" и "благонадежности", после запроса в департамент полиции министерства внутренних дел и получения раз/решения из Петербурга, Почуев получил "проходное свидетельство для следования в г. Курган". Вслед ему было отправлено официальное уведомление на имя тобольского губернатора - власти передавали "эстафету" слежки.

Как и при изучении жизни А. Ф. Никитина, которому посвящен предыдущий очерк, исследовательские тропы вели нас в родные места корреспондента Толстого.

Для Почуева это был Ядрин - небольшой городок на берегу Суры.

Н. А. Почуева в живых не оказалось: он умер в 1943 году. Но мы получили адреса его близких, и каждый из них охотно откликнулся на просьбу поделиться воспоминаниями. Часть сведений сообщена на предыдущих страницах. Теперь можно заполнить и последующие страницы жизни интересующего нас человека.

"Из Оренбурга Николай приехал ко мне в Курган, - сообщил Константин Александрович Почуев, которого удалось разыскать в городе Шилке, Читинской области. - Я пошел по стопам брата - стал учителем и в то время уже работал в школе. На какое-то время мне удалось добиться назначения и его учителем двухклассной школы. Но работать Николаю довелось недолго: губернатор не утвердил назначения. Устроился брат письмоводителем к мировому судье. Однако не мог он быть равнодушным"; обману простых людей, каждодневно творимому тогда в судах, вмешался в какое-то дело и оказался не у дел снова. Чуть дольше задержался он в Бровлянском лесничестве, но и отсюда ушел не по собственному желанию. Хотя гласный надзор полиции был уже снят, за ним продолжали следить и уличили в "недозволенных" разговорах с рабочими на лесозаготовительных промыслах, в "подозрительной" связи с политическими ссыльными. На этот раз брату грозило больше чем увольнение. Однако в те дни прибыло письмо от отца: предчувствуя скорую смерть, он звал попрощаться. Николай выехал в наш родной городок".

Нет, Почуев не последовал совету Льва Толстого, не занялся смиренным выжиданием и нравственным самоусовершенствованием. Служение людям, все отчетливее понимал он, требовало не смирения, а борьбы за свободу народа, за свои права.

Не воспользовался он и другим советом Толстого - описать свою жизнь. Не было у него уверенности в том, что сумеет рассказать о пережитом, передуманном достаточно убедительно. Правда, как свидетельствуют встречавшиеся с ним в Оренбурге, в первое время после получения письма его нередко видели с пером в руках. '- Но так, повторяем, ничего и не было написано. Возможно оттого, что жизнь все более и более разрушала те критерии, которые были преподнесены писателем - и в рекомендованных им высказываниях из "Мыслей мудрых людей на каждый день", и в самом письме. А вскоре по прибытии в Сибирь Почуев узнал о смерти Льва Николаевича...

Раздумывая о происходившем в мире, о жизни народа, его чаяниях и надеждах, наконец - о своей собственной жизни и о своем месте в борьбе против несправедливости, этот беспокойный, ищущий человек окончательно избавлялся от толстовских иллюзий.

Распутье кончилось, он вновь обретал верный путь.

Из писем, полученных от брата, от сестер из Ядри-па, от дочерей из Хабаровска и Москвы, мы теперь знаем, что Николай Александрович участвовал в гражданской войне, что в самые трудные годы (1917 -1918) работал начальником милиции в Ядринском уезде, а затем всего себя посвятил делу организации новой, советской школы, развитию хозяйства и культуры своего родного края.

Характерно, что жизнь для народа, для его блага и счастья снова свела и крепко подружила Почуева с другим корреспондентом Толстого - чудесным врачом Волковым, о котором пойдет речь в следующем очерке,

В духе горячей любви к Родине воспитал Почуев и своих дочерей. Старшая, Кира Николаевна, работает конструктором на одном из подмосковных заводов; Ирина Николаевна -- инженер-геолог на Дальнем Востоке; Зинаида Николаевна-доброволец Советской Армии в годы Великой Отечественной войны, активная общественница в столице; самая младшая, Лира Николаевна - педагог, живет неподалеку от Хабаровска. Все они отдают силы и знания делу борьбы за коммунизм.

"Не будучи членом партии,- пишет Ирина Николаевна,- отец всегда называл себя беспартийным коммунистом. Для нас, детей, он был примером безграничного трудолюбия, кристальной честности. В любое, даже маленькое, дело он вкладывал столько энергии, что это вошло в поговор'ку в семье, а затем и в городе. Мы, его потомки, гордимся им". Эта гордость закономерна.

Наш рассказ о Николае Александровиче Почуеве подошел в концу. Жизнь, некогда заинтересовавшая Д. Н. Толстого, прочитана до последнем страницы.

Жизнь эта - действительно поучительная.

Все вас помнят и любят

Многими замечательными людьми гордится Чувашия. Среди них - легендарный полководец Чапаев и революционный поэт Сеспель, маститый академик Крылов к прославленный певец Михайлов.

В этом почетном ряду достойное место принадлежит и Константину Васильевичу Волкову - чудодою-Хирургу, человеку большого сердца.

Он, собственно, не относится к числу чувашских корреспондентов Толстого, и национальность его не чуваш, а русский. Но в Чувашской республике Вол-нова с

таким же основанием считают своим земляком, с каким великий писатель называл его своим другом. Слова, которые мы вынесли в заголовок, сказаны не одним из тридцати тысяч пациентов, которых Вольтову довелось оперировать в городе Ядрине, не кем-то Из тех, среди которых прошло двадцать семь самых горячих лет жизни врач а-новатора, не медиками, читавшими его научные труды, и не коллегами по всесоюзным хирургическим съездам. Не вызывает сомнения, что все они с охотой подписались бы под этими Простыми, искренними, душевными словами. Однако первым, КТО обратил их к Волкову, был Лев Николаевич Толстой.

"Все вас помнят и любят...*-написал он в письме к Константину Васильевичу 10 июня 1904 года.

Так как же, рассказывая о живых нитях, связывавших Л. Н. Толстого и чувашей, обойти вниманием^ эту Колоритную фигуру?

Первая встреча, первое знакомство их произошли и сентябре 1901 года.

Было это в Крыму.

Толстого привела туда тяжелая болезнь.

Здоровье писателя, расшатанное напряженной, не знавшей передышки, работой, подорванное непрерывным борением с властями и церковниками (незадолго до того, в феврале, синод официально заявил об_ отлучении его от церкви), вызывало глубокую тревогу у всех, кому была дорога жизнь Льва Николаевича.

По совету врачей он был спешно вывезен на благодатное крымское побережье. Владелица имения в Гаспре графиня Панина предоставила в распоряжение Льва Николаевича и его близких свой дом.

В этот дом и пришел несколько дней спустя земский врач из соседнего Кореиза Константин Васильевич Волков.

За ним послал Толстой.

В тот памятный день Волков - 'большой любитель театрального искусства - режиссировал в Народном доме любительский спектакль, в котором играл и сам...

Но лучше привести его собственный рассказ.

Хирург К, В. ВОЛКОВ.

"Знакомство мое с Львом Николаевичем состоялось довольно оригинально,- вспоминал он впоследствии.- Незадолго до приезда Льва Николаевича мы решили поставить пьесу Остров-окого "Не так живи, окак хочется", в которой я играл роль Петра. Роли мы учили всегда образцово и репетировали усердно и старательно-в костюмах и по возможности в обстановке. И вот вечером, часов в десять, во время

одной из таких репетиций, ко мне является посланный с приглашением посетить сейчас же Льва Николаевича. Я, разумеется, тотчас же прерываю репетицию и, как был: а красной рубахе, плисовых шароварах и высоких смазных сапогах- отправляюсь чуть не бегом в Гаспру. Через пять минут я был уже там и с бьющимся сердцем и волнуясь ожидал встречи с великим человеком. Меня пригласили в небольшую комнату, влево от входа, и там я увидел Льва Николаевича, одного, лежащего на кушетке. Пришлось прежде всего извиниться и объяснить свой костюм... Замечательно, что после первых же нескольких слов Льва Николаевича все мое волнение и страх исчезли без остатка: я видел перед собой простого, милого, доброго старика, которого можно только любить. Никаких внешних изъявлений того величия, которым увенчал "го мир. Как-то странно было сознавать, что этот простой, милый старец и есть сам Лев Толстой...!-1

В Гаепре писатель прожил более восьми месяцев.

Надеясь на скорую его смерть, враги развили усиленную деятельность. Дом, в котором он жил, находился под постоянным наблюдением полицейских шпионов. Вокруг него вертелись папы, имевшие поручение уговорить Толстого примириться с церковью. На их обязанности также лежало: независимо от результатов овоей миссии, сразу после кончины Толстого во всеуслышание объявить о его "раскаянии во всех грехах*". Эти непрощенные гости отравляли существование Льва Николаевича.

Тем радостнее встречал он милых ему людей, среди которых все эти месяцы неизменно оставался Константин Васильевич Волков.

. Оказалось^ что он учился в том же городе и том же университете, что и Толстой. До поступления на медицинский факультет Московского университета, который, был им окончен в 1897 году, Волков прошел курс естественного отделения физико-математического факультета Казанского университета. Знающий специалист, человек широкого образования и разносторонних интересов стал одним из постоянных врачей и частым собеседником великого писателя.

Его имя много раз упоминается в дневниковых, записях тех месяцев.

"Вечером был Волков..." "Вечером Волков..." "Волков слушал..."

Эти и подобные заметки можно встретить не на одной странице дневниковых записей, собранных ныне в 54-м томе полного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Врач Волков был свидетелем работы Льва Толстого над повестью "Хаджи Мурат" - одним из последних его крупных произведений, которое свидетельствовало о неугасимой силе художественного гения писателя.

Вместе они оказались на репетиции комедии Островского. Лев Николаевич, высоко ставивший драматурга, одобрил выбор пьесы и остался доволен исполнением, хотя и высказал замечания - они касались деталей деревенской одежды.

"Сегодня ночью плохо спалось, и я обдумывал сюжет пьесы для народа",- делился Толстой с Волковым только что возникшим замыслом.

Константину Васильевичу привелось видеть и слышать Толстого в философском споре и разговорах о поэзии, за чтением многочисленных писем от простых людей и на любительском концерте оркестра народных инструментов. При нем проходили беседы Льва Николаевича с Горьким и Короленко. Он составлял Толстому компанию в играх и 'принимал его у себя дома, знавал в спокойствии и гневе.

Запомнился Волкову такой случай, описанный им в тех же "Набросках к воспоминаниям" :

"...Получает Лев Николаевич письмо от какого-то корреспондента из тюрьмы. Письмо было крест-накрест перечеркнуто яркими желтыми полосами полторахлористого железа (проявителя для симпатических чернил или слюней, которыми пользуются заключенные в целях тайной переписки). Льва Николаевича удивили эти желтые полосы, и он спросил, что это значит. Когда я объяснил ему, что это дело рук жандармов, то надо было видеть Льва Николаевича. Он далее покраснел от негодования и воскликнул:

- Ах, мерзавцы... С каким бы наслаждением я вымазал им рожу этой гадостью..." '.

Заметки К. В. Волкова являются живыми свидетельствами этого периода жизни Толстого. Волков запомнил и донес до нас драгоценные высказывания - писателя о классиках литературы и декадентах, о песнях русского народа и природе, подметил и передал неповторимые черты Льва Николаевича в тяжелое для него время.

Сам Константин Васильевич всюду в тени. О своей работе он почти не упоминает. Между тем известно, что нередко ему доводилось проводить у -постели больного и дни, и ночи. Волков явился одним из тех, кто о помог Толстому побороть болезнь и вернуться к полнокровной жизни.

Когда в первый день нового, 1902 года К. В. Волков выезжал в Петербург, на VIII съезд русских врачей, посвященный памяти Н. И. Пирогова, писатель снабдил его письмом к близкому знакомому А. Н. Дунаеву.

"Письмо это вам передаст мой очень милый знакомый и земский Кареизский доктор,- писал Лев Николаевич.-Он очень живой и умный человек, и ему, вероятно, будет приятно, будучи на съезде, познакомиться с вами, и вам и вашей семье, которой передайте мой (привет и поздравление с Новым годом, будет, вероятно, приятно узнать его. Он меня лечил и расскажет вам про меня" '.

О доверии, которое питал писатель к Волкову, о том, что врач был в курсе не только здоровья, но и литературных дел Толстого, свидетельствует уже тот факт, что в эту поездку Константину Васильевичу было поручено передать Дунаеву для пересылки В. Г. Черткову рукопись статьи "О веротерпимости".

В последних числах 1901 года Лев Николаевич начал письмо Николаю II, в котором обращался к царю с призывом уничтожить "тот гнет, который мешает народу высказать свои желания и нужды*", отменить "исключительные законы, которые ставят рабочий класс в положение пария" и положить конец частному землевладению. Волков об этом письме знал, о нем было не раз говорено во время прогулок. Петербургские друзья Толстого узнали о начатом им письме именно от Константина Васильевича.

Когда 25 января 1902 года писатель заболел воспалением легких, Волков был вызван из Петербурга телеграммой.

Месяцы, проведенные -близ Толстого, остались в памяти Волкова как самые яркие, самые волнующие. "Мы все живем приблизительно по-прежнему,- писал Волков Софье Андреевне Толстой в конце 1902 года.- Я много работаю по больнице, устраиваю спектакли, читаю. Жена много-времени тратит на ребят. Мы часто вспоминаем то время, когда вы были у нас, и часто рассказываем новым людям о Льве Николаевиче. Все мы горячо любим его и шлем ему свой привет и пожелания быть бодрым, сильным и 'юреиким" '.

Дружеское расположение Льва Николаевича Волков чувствовал постоянно.

Первое из известных нам писем Л. Н. Толстого явилось ответом на сообщение Волкова об отъезде на руте ко -японскую войну.

"Очень благодарен вам за ваши добрые чувства,- пи-сал Толетой 10 июня 1904 года.- Это, как вы знаете, совершенно взаимно. И потому очень прошу вас хоть изредка извещать меня о себе. Если же бы я мог чом-нибудь послужить вам, то был бы очень рад..." В этом письме писатель высказал свое отношение к начавшейся в январе 1904 года войне между Россией и Японией.

С самого начала он осуждал ее захватнический характер. Глубокое возмущение Толстого вызывала бессмысленность гибели тысяч русских крестьян и рабо-чик, страданий простого народа ради грабительских интересов царского правительства.

"Война захватила вашу семью своим матерьяльным колесом, меня же она давит духовно,- делился он с Волковым.- Ужасаешься на то, что с таким усилием и напряжением совершается то, чего не должно, не оможет быть, если только человек разумное существо".

Осуждая войну, писатель предчувствовал важнейшие последствия, которые она может иметь (и имела)-в жизни русского общества.

Когда в .ноябре того же года Волков написал Толстому о возвращении с фронта (земские врачи, заведующие больницами были освобождены от военной службы), Лев Николаевич откликнулся небольшим дружеским письмом:

"Спасибо, милый Константин Васильевич, что написали мне.

Очень порадовался я, как и все домашние, за вас, вашу милую жену и детей.

Я живу, что дальше, то лучше. Работы много, времени мало. Вы это знаете, потому что всегда так живете.

Дела совершаются ва Дальнем Востоке знаменательные, (последствия их не могут не быть огро'мные. Дружески жму вашу руку и кланяюсь вашей жеея.

Л. Толстой.

22 ноября 1904 года" '.

В письме звучит надежда на то, что русско-японская 'Война - тягостная для народа и позорная для царской власти - раскроет широким массам глаза ка преступность правительства, убедит их в необходимости освобождения от политического насилия и тем самым подготовит крушение самодержавия. Именно это, как можно судить по его статьям, а также другим письмам, имел в виду Толстой, говоря о "знаменательности" происходящих событий и о том, что "'последствия их не могут не быть огромные".

Предположения писателя оправдались. В войне царизм потерпел не только военное, но и политическое поражение. Оно приблизило назревавшую в России революцию.

Но отношение'К революции 1905-1907 годов у Толстого и Волкова оказалось различным.

Мечтая о полном и окончательном крушении самодержавно-помещичьего строя, писатель оказался в стороне от начавшейся революции, отвернулся от нее, продолжая проповедывать "пассивное неучастие*" в правительственных насилиях.

Волков же, который увидел войну своими глазами, глубоко прочувствовал зло царизма и сумел понять, что пассивным неповиновением ничего не добьешься, не только выразил своз сочувствие революции, но и стал помогать ей на деле.

Пользуясь служебным положением, Константин Васильевич прятал в своей больнице бежавших от расстрела революционных матросов-севастопольцев (они

скрывались им под видом больных рожистым воспалением). Здесь же, в больнице, хранилась нелегальная литература, распространявшаяся затем по всему побережью. Волков имел прямое отношение к стачкам рабочих и митингам на море, к агитации среди солдат и печатанию листовок ялтинской социал-демократической группы.

Опасаясь за сохранность своих крымских владений, царь распорядился ввести в Ялте и прилегающих к ней населенных пунктах положение о "чрезвычайной охране", согласно которому полиция получала право арестовывать, а затем высылать без суда и следствия любого человека. Реакция душила любое проявление свободной мысли. Под запретом оказалось даже громкое чтение газет-"чтобы не возбуждать интереса к военным и политическим событиям".

Добрались и до Волкова. Он был арестован и отправлен в ссылку. Местом ее оказался отдаленный от промышленных центров и железной дороги захолустный городок Ядрин. Впрочем, и этой глухомани коснулось революционное движение. Вскоре по приезду ссыльный врач познакомился с некоторыми из тех, кто активно в нем участвовал. Состоялось первое знакомство и с Почуевым - будущим корреспондентом Льва Николаевича Толстого. В этот раз, однако, оно было недолгим. Почуеза отправили под надзор полиции в Оренбургскую губернию, а Волков, получив разрешение властей, выехал в Браилово на Подольщине.

Там, в Браилове, будучи врачом сахарного завода, он с острой душевной болью узнал о смерти Толстого.

В рукописном отделе Государственного музея Л. Н. Толстого сохранилось письмо, написанное Волковым сразу же после получения скорбного известия:

"Дорогая Софья Андреевна!

Позвольте разделить с Вами и Вашей семьей постигшее всех нас горе. Так больно, так тяжело сознавать, что дорогого Льва Николаевича нет с нами. Как мне хотелось быть в Астапове, чтобы быть полезным Льву Николаевичу, но не пришлось, так как в это время я был болен той же катаральной пневмонией, которая унесла от нас дорогого "дедушку Толстого".

Жена и дети выражают Вам самое искреннее и горячее участие.

Искренне уважающий Вас

К. Волков".

А вскоре Константин Васильевич вновь появился в Ядрине. Он приехал с женой - фельдшерницей Клавдией Владимировной, о которой в семье Толстых отзывались с неизменным уважением, с детьми, также знавшими великого писателя (он называл их "белыми грибками" и "петушками"), и с совсем небольшим багажом. Самым ценным в нем были хирургический инструмент, книги и письма.

Многие книги хранили теплые дарственные надписи их авторов: Волков знал Толстого, Чехова, Горького, Короленко. Письма также были от известных русских писателей.

На самом почетном месте квартиры, которую семья сняла в Ядрине, Волков повесил портрет Льва Николаевича с его теплой, сердечной надписью.

Памятную фотографию, на которой он был снят вместе с Толстым, Волков хранил как особенно дорогую реликвию.

Двадцать семь лет, до самой кончины, трудился Константин Васильевич в Ядринской участковой больнице.

Эта больница, названная впоследствии именем своего основателя, стала одним из опорных пунктов развития советской хирургии. Свыше 30 тысяч хирургических, гинекологических, глазных операций, 80 с лишним научных работ выполнено здесь Волковым, Доктор из Ядрина с блестящим полемическим талантом выступал против тех, кто пытался уверить, будто хирургия зашла в тупик. "Хирургия в пути" - так называлась его статья, воодушевлявшая на творческие искания. Он отстаивал чистоту марксистско-ленинского учения, марксистско-ленинского диалектического метода, активно ратуя за необходимость его постоянного применения в медицине.

Хирург-философ, хирург-новатор не щадил своих сил. Долгими часами не покидал он операционной, не оставлял больных, а вечерами готовил доклады к научным съездам и лекции для врачей, участвовал в редактировании столичных медицинских журналов. Его научные заслуги были отмечены присуждением ученой степени доктора медицинских наук.

Одним из первых в стране, еще в 1923 году, Волков был удостоен почетного звания Героя Труда.

После образования Чувашской автономии его избрали членом ЦИК республики. Не раз Константина Васильевича выбирали в Ядринский городской Совет. На шестидесятом году жизни Волков "тал коммунистом. Он писал, что ощущает это "как величайшую радость и счастье своей жизни и величайшую честь, какой только может быть удостоен бывший российский интеллигент, перегоревший до мозга костей в огне социальной революции".

До конца своего пути (Волков умер в 1938-м году) он хранил в сердце встречи с Львом Николаевичем Толстым. В 1920 году были впервые напечатаны его "Наброски к воспоминаниям о Л. Н. Толстом". К 25-летию со дня смерти писателя Константин Васильевич рассказал о своем великом друге в республиканской газете. Много раз выступал он с лекциями и докладами о гиганте русской литературы в рабочих коллективах, перед колхозниками и учащимися. Велика была его радость от сознания того, что творчество Толстого становится все более близким широким массам читателей, что чувашаи читают его произведения на родном языке, что Россия выступает знаменосцем культуры и прогресса.

Патриот Родины гордился этим. Гордился по праву. А мы гордимся им, и добрая память о настоящем человеке, Человеке с большой буквы, не угаснет никогда.

Послесловие

Мы раскрыли перед читателями страницы дружеских связей Льва Николаевича Толстого с представителями чувашского народа.

Искреннее сочувствие обездоленным и угнетенным, участие в их горе, стремление содействовать подъему самосознания и культуры чувашей - все это увеличивает любовь и уважение народа Чувашии к гению русской культуры. Толстой стоит в ряду наиболее читаемых и почитаемых им писателей.

Посмотрел бы Лез Николаевич на сегодняшнюю Чувашскую Автономную Советскую Социалистическую Республику, знамя которой по заслугам увенчано высшей из наград - орденом Ленина!

В братской семье народов СССР она навсегда покончила с нищетой, бесправием, забитостью, обрела светлое настоящее и еще более прекрасное будущее. "Сказочным прыжком" назвал происшедшие перемены народный поэт Яков Ухсай. И, действительно, рост поистине сказочен. Народ, о котором распускали слухи будто он не способен ни на что, кроме плетения лаптей, создал с помощью народов-братьев и прежде всего могучего русского народа, большие заводы и замечательные дороги, красоту городов и богатства сел, многообразную литературу и крылатые пеони. Маленькая республика, население которой составляет менее чем семидесятую часть Российской Федерации, творит большую культуру.

Замечательный сын чувашского народа Андриян Николаев стал одним из "звездных братьев" - героических советских космонавтов; он поднял славу своей родной земли до невиданных высот.

Какой резкий, яркий контраст представляет наше сегодня с тем, что знал о чувашах великий писатель земли русской! Какой прекрасный пример торжества ленинской национальной политики Коммунистической партии и Советского правительства!

Страшной сказкой кажется недавняя быль. Эта осказка, однако, не страшит никого. Каждому известно: жрачное прошлое изгнано навсегда и безвозвратно. Но мы должны знать, и притом возможно лучше, все, что 'связано с историей народа. Мы должны знать тех, кто был' с ним в беде. Достойнее место среди них принадлежит Льву Толстому.

Книга, которую вы прочли, не претендует на исчерпывающую полноту освещения вопроса в связях Толстого с чувашами. Изучение его должно быть продолжено. Это - благородный и благодарный труд, потому что он идет на пользу великому делу дальнейшего укрепления братской дружбы народов СССР. А дружба народов, как сказано в Программе КПСС, представляет собой "одно из важнейших завоеваний социализма i>.

Строя коммунистическое общество, мы берем на вооружение все достижения человеческой культуры.

Среди них - творения гениального художника слова Льва Николаевича Толстого.